

В. КОЛОКОЛКИН и С. МОНОСОВ

ЧТО ТАКОЕ ТЕРМИДОР

**Веб-публикация
в библиотеке**

Vive Liberta

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

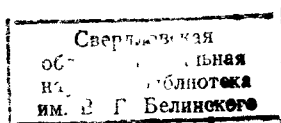
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ВВЕДЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение.	3
I. Великая французская революция	13
II. Социалистическая революция	64
III. Исторические и классовые корни теории «русского термидора»	123

м. 2039242

«Мосполиграф», 14-я тип., Варгунихина гора, 8.

Внимательное отношение к опыту исторического развития, трезвый учет и трезвая оценка этого опыта издавна составляют одну из самых сильных и самых замечательных сторон большевизма.

Нельзя стать настоящим большевиком, следовательно, нельзя подняться до уровня передовых представителей рабочего класса, не изучая, не переваривая и не используя в интересах непосредственной работы и борьбы опыта всемирной истории, в особенности тех ее этапов, на которых основные вопросы общественной жизни решают острая борьба классов, революция и гражданская война.

На таких этапах обычно ярче всего, полнее, очевиднее, острее обнаруживается сила массового действия, закладываются «глубокие и прочные устойчивые группировки», наконец, проверяется подлинная природа различных политических партий и течений, очерчивается круг их реальных интересов, осознаются их идейно-политическое существо, их значение и их

задачи. Естественно, что такие переломные этапы всемирной истории всегда более других служат для нас источником величайших уроков.

«Всякая революция означает крутой перелом в жизни громадных масс народа.. И как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет его многое пережить и пере-чувствовать, так и революция дает всему народу в короткое время самые содержательные и цен-ные уроки» (Ленин).

Было бы, разумеется, признаком явной поли-тической близорукости игнорировать эти уроки, обходить или предавать их забвению.

История не повторяется. Сегодняшний истори-ческий день существенно отличается от вчераш-него точно так же, как завтрашний день исто-рии будет существенно иным, чем ее сегодняшний день. Новые времена, новые условия, новые дела. Однако признание этого положения вовсе не означает признание того, будто не повторяются ошибки конкретных творцов истории, ошибки лиц, групп или целых течений. Очень часто бы-вает, что в новых условиях новые люди повто-ряют старые ошибки других людей, окрашивая эти старые ошибки в новый цвет.

Для того чтобы гарантировать себя от повто-рения этих старых ошибок, нужно их, прежде всего, знать. А это обязывает нас к тому, чтобы внимательнейшим образом изучать опыт предше-ствующего исторического развития и не менее внимательно использовать этот концентрирован-

ный исторический опыт в интересах нашей соб-ственной классовой политики.

С этой точки зрения, с точки зрения правиль-ного использования рабочим классом и его пар-тией опыта исторического развития, исключитель-ную ценность представляет изучение классических буржуазных революций.

Будучи призваны устранить противоречия, на-зревающие «десятилетиями и веками», эти рево-люции отличались необыкновенной содержатель-ностью событий и таким размахом классовой борьбы, какого не знала до того всемирная исто-рия. Именно эта их необыкновенная содержатель-ность, обилие событий и редкая острота полити-ческих столкновений делают классические бур-жуазные революции источником всевозможных политических и тактических поучений.

К числу бессмыслиц, щедро распространяемых про нас нашими прямыми противниками, в их числе и так называемой оппозицией, относится, между прочим, то утверждение, что мы будто бы пугаемся опыта этих революций, боимся огля-нуться на них и «под всяческими предлогами» из-бегаем сопоставления с ними нашей революции.

В этом утверждении наших противников не содержится и намек на правду. Мы не только не отрицаем необходимости и безусловной полез-ности глубокого изучения этих революций, на-против, мы прямо обязываем к такому изучению всех, кто претендует на роль серьезных полити-

ков и кто желает вести политику на строго научных основаниях. Но мы категорически отвергаем глосские и поверхностные сопоставления и аналогии, проводимые ныне оппозиционными теоретиками между социалистической революцией в нашей стране и классическими буржуазными революциями. Мы считали эти аналогии ненаучными, противными духу марксизма, поскольку к ним прибегают только для того, чтобы показать и доказать сходство нашей революции с другими, в частности с буржуазными революциями. Всякая аналогия только тогда получает серьезное научное и политическое значение, когда она помогает выяснять не только и не только сходство между явлениями одного и другого ряда, сколько различие между ними. Параллели и аналогии между нашей революцией и классическими революциями буржуазии только тогда приобретают значение, когда через посредство их выясняются не только черты сходства, но, главным образом, и черты различия между различными революциями различных эпох.

Мы убеждены в непоколебимости той марксистской истины, что каждая новая эпоха общественного развития неизбежно содержит в себе те или иные оригинальные, ранее невиданные, специфические черты. Относительно непоколебимости этой истины Маркс писал еще в первом томе «Капитала», т.-е. свыше шестидесяти лет

тому назад. Этой истины никто не опроверг и никто не сможет опровергнуть.

Мы убеждены, далее, в том, что линия поведения партии рабочего класса должна строиться на основе учета этих новых, оригинальных, специфических черт, которые таит в себе каждая новая полоса исторического развития, каждая новая эпоха. Иными словами, в основании нашей политики всегда должен лежать учет «живой жизни», во всей ее полноте, во всем ее многообразии, со всеми ее свойствами. «Никогда миллионы людей не будут слушать советов партии, если эти советы не совпадают с тем, чему их учит опыт собственной жизни» (Ленин). А так как условия их «собственной жизни» меняются, так как меняется расстановка классовых сил, меняется соотношение между этими силами, меняется общий хозяйственный фон, на котором живут и действуют классы, то по необходимости должна меняться политика пролетарской партии. И главная задача для настоящих пролетарских революционеров состоит не в том, чтобы не менять этой политики, а в том, чтобы при всех ее изменениях она оставалась бы выражением верности рабочему классу, его непосредственным и его конечным историческим целям.

Эти общие соображения имеют близкое отношение к поднятому нами вопросу о параллелях и аналогиях. Эпоха буржуазных революций имела свои особенности, свои специфические черты;

эпоха пролетарских революции имеет свои буржуазные революции развивались в одних хозяйственных условиях, пролетарские — в других. В буржуазных революциях действовали одни классы, в пролетарских — другие. В буржуазных революциях классы боролись за решение одних задач, в пролетарских — классы борются за решение совершенно других задач. Вот почему, если при изучении, скажем, нашей революции мы ограничивались бы тем только, что отыскивали бы черты сходства, забывая самые коренные различия между ней и классическими буржуазными революциями, мы никогда не поняли бы исторического значения нашей революции и ее действительных задач. Мы лишили бы пролетариат возможности найти и понять элементы того особенного, нового, неповторимого и невиданного во все предшествующие времена, что есть в нашей революции и что с точки зрения марксизма определяющим образом влияет на линию политического поведения партии и пролетариата. В последнем счете мы лишили бы пролетариат возможности наметить правильную политическую линию.

«Подменять конкретное абстрактным — один из самых главных, самых опасных грехов революций» (Ленин). Подменять анализ конкретного содержания нашей революции не критическим уподоблением ее буржуазным революциям, ограни-

чиваться перенесением закономерностей этих революций на нашу — значит цинично и неумно насмехаться над методологическими требованиями марксизма.

Одним из таких особенно ходовых уподоблений и вместе с тем одним из бесподобных надругательств над требованиями марксистской методологии является уподобление нынешнего периода нашей революции периоду так называемого термидора.

Правда, немногие из тех, кто эксплуатирует аналогию с термидором, знают, что такое подлинный термидор.

Однако это их глубокое невежество относительно того, что представляла собой в истории Великой французской революции эпоха термидора, не мешает им пользоваться параллелями и аналогиями. Пожалуй, даже это невежество иногда способствует сильному обращению со всякого рода параллелями и аналогиями, поскольку человек, пользующийся ими и не разумеющий, «что к чему», утрачивает сознание политической и научной ответственности за всякие вообще параллели и аналогии.

В истории Великой французской революции термидор¹⁾ был поворотным пунктом от револю-

¹⁾ Термидор — название месяца в революционном календаре, введенном якобинцами, желавшими как можно скорее покончить со всем старым. Термидор соответствует нашему июлю-августу. Переворот 9 термидора — 27 июля 1794 г.

ции в сторону реакции. Называя термидорианским нынешний период нашей революции, оппозиция желает подчеркнуть ту мысль, что у нас налицо имеется упадок революции, и что историческим резюме этого упадка должно быть восстановление капитализма, реставрация порядков, низвергнутых и уничтоженных в октябре 1917 г.

Это оппозиционное сравнение, несомненно, имело бы ценность и силу, если бы оно опиралось на об'ективный и всесторонний анализ явлений хозяйственной и политической жизни нашей страны, и если бы посредством этого анализа оппозиции удалось доказать, что в условиях нашего существования и развития заложены экономические и политические предпосылки гибели революции, перерождения ее тканей и торжества реакции. Но этого как раз и не может доказать оппозиция. Все оппозиционные напоминания о термидоре становятся поэтому пустой и бессодержательной игрой в параллели и аналогии, игрой, которая подменяет собою вдумчивое и серьезное отношение к текущей практике нашего социалистического строительства.

Надо сказать, что аналогии с Великой французской революцией и—что особенно интересно—с периодом термидора, с периодом крушения якобинской диктатуры; совсем недавно сурово осуждались троцкистами. «Исторические аналогии с Великой французской революцией (крушение якобинцев), которыми питается и утешается либерализм и мень-

шевизм, поверхностны и несостоятельны». Так писал Троцкий в брошюре «Новый курс» (стр. 33, курсив наш—авт.). Тот же Троцкий теперь предпочитает умалчивать о несостоятельности этих аналогий, чему, конечно, не следует удивляться, раз сам он вслед за либерализмом и меньшевизмом питается и утешается теми же самыми аналогиями.

Теория «русского термидора», ныне пропагандируемая оппозицией, наиболее полно и откровенно была развита небезызвестным профессором Устряловым, сменовеховцем,—бывшим кадетом и колчаковцем.

О классовом смысле этой теории и об условиях ее появления на свет—о ее исторических корнях—мы будем говорить ниже, выяснив предварительно, что представляла собой эпоха термидора в истории Великой французской революции, как она готовилась и по каким конкретным соображениям закономерности этой эпохи не могут быть перенесены на нашу революцию.

I. ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ХОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ГОСПОДСТВО И ПАДЕНИЕ ЖИРОНДЫ. ОРГАНИЗАЦИЯ ЯКО- БИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Современный капиталистический порядок Западной Европы родился в тяжелых муках буржуазных революций. XVI в.—в Голландии, XVII в.—в Англии, XVIII в.—во Франции,—вот отдельные даты этих революций, сливающихся в один мощный поток, в одно огромное движение, целью которого было превращение европейских феодальных государств в государства буржуазные.

Несомненно, что среди всех этих революций наибольшей драматичностью, наибольшим количеством эффектных и трагических событий отличалась буржуазная революция, имевшая место в конце XVIII в. во Франции и известная в истории под именем Великой французской революции.

Великая французская революция началась в 1789 г., когда французский король Людовик XVI оказался вынужденным созвать народное представительство (генеральные штаты), для того чтобы при его помощи выйти из того тяжелого финансового положения, в котором находилось

тогда правительство французской монархии Это тяжелое финансовое положение, крах финансовой и всей вообще хозяйственной системы, падение производительности в сельском хозяйстве, застой или, по крайней мере, слабое и ненормальное развитие промышленности и торговли были результатом хищнической эксплуатации господствующей кучкой дворян большинства французского населения—буржуазии, ремесленников и в первую очередь многочисленного крестьянства. Возможность прогрессивного хозяйственного развития целой страны ставилась под вопрос. Абсолютная монархия, представлявшая интересы небольшой группы дворян, все более и более становилась путами на ногах общества, тягчайшим препятствием на пути дальнейшего развития хозяйства. Буржуазия была в первую очередь заинтересована в уничтожении этого порядка. Она непосредственным образом была заинтересована в том, чтобы создать порядок, обеспечивающий беспрепятственный, нормальный рост капитализма. Именно в этом заключался смысл дальнейшего прогресса, именно поэтому требовалось устранить дворянство, как господствующий класс, и разрушить его опору — абсолютную королевскую власть. Эту задачу и решила Великая французская революция.

Революция и буржуазия, во имя которой эта революция совершалась, не раз оказывались на краю гибели и каждый раз были спасены от этой гибели подъемом массового движения.

Уже при первых шагах революционного движения летом 1789 г. король и придворные гвардию решили покончить с революцией. Собрание только что созванных народных представителей должно было быть разогнано, для чего к столице стягивались вооруженные силы. Буржуазный министр, только недавно призванный к власти, был удален в отставку,— словом, все предвещало контр-революционный переворот. Тогда поднялись парижские предместья. На улицу вышел ремесленник и рабочий, огромные массы неимущей бедноты вышли на улицу и, вооруженные чем попало, атаковав твердыню старого режима—крепость Бастилию,—спасли революцию от покушения контр-революционеров.

Но решающие массовые действия, определившие собою характер последующего развития революции, разыгрались позднее, именно в 1792 г.

10 августа 1792 г. еще раз восстали ремесленные и рабочие массы Парижа и атаковали королевский дворец, как твердыню контр-революционных сил. Что на этот раз заставило широкие массы парижской бедноты выступить на защиту революции? Опять-таки грозившая этой революции опасность. С апреля 1792 г. революционная Франция, в муках создававшая новый буржуазный порядок, находилась в войне с Австрией и с различными мелкими немецкими государствами. Старые монархические дворянские государства не могли терпеть рядом с собою Францию, становящуюся новой буржуазной страной.

Однако война была неудачной для революционной Франции. Король и придворные всеми силами помогали неприятельским армиям, надеясь при помощи иностранных штыков восстановить феодальный порядок. Вместе с неприятельскими армиями во Францию вступили эмигранты—дворяне, братья короля и другие, и их намерения восстановить дореволюционный порядок ни для кого не были тайной. Между тем французские войска, предаваемые королем и двором из столицы, находящиеся под командой контр-революционных офицеров и генералов, не могли справиться с наступающим неприятелем, который легко продвигался по французской территории к Парижу.

В Париже в это время заседало уже второе по счету собрание представителей, так называемое Законодательное собрание. Самой крупной и значительной по своему влиянию группой депутатов в Законодательном собрании была группа жирондистов. Жирондисты были защитниками интересов нарождающейся деловой, торговой и промышленной буржуазии. Хотя жирондисты и были заинтересованы в укреплении буржуазных порядков, но они не были столь решительными, чтобы спасти революцию. Для того чтобы спасти завоевания революции, необходим был союз с той революционной массой, которая уже не раз спасала эту революцию. Представители хотя и передовой, но крупной буржуазии — жирондисты, крупные собственники — не могли пойти на этот

союз, ибо боялись массовых революционных выступлений не меньше, чем выступлений реакционных.

Однако подхлестываемые неудачами, рядом измен и политических интриг, обеспокоенные за судьбы революции, народные массы поднялись. Они заставили Законодательное собрание отстранить от власти короля и созвать новое, третье по счету, собрание народных представителей — так называемый Национальный конвент.

В этом Конвенте соперничали две партии, из которых одна — уже знакомые нам жирондисты, а другая — монтаньяры или якобинцы. Монтаньяры (от французского слова *montagne* — гора; они занимали верхние скамейки депутатских трибун; *якобинцами* они назывались потому, что их центром был *якобинский клуб*) являлись защитниками интересов и выразителями взглядов мелкой буржуазии. Если депутаты-жирондисты были избраны богатыми торговыми и промышленными провинциями Франции, в особенности приморскими, то якобинцев посылали в Конвент большие города, преимущественно Париж. Почти с самого созыва Конвента началась борьба между якобинцами и жирондистами. Необходимость углубления революции, рост опасностей для ее существования и, наконец, учащающиеся массовые выступления толкали представителей двух враждебных конвентских партий на ожесточенную взаимную борьбу.

Самаркандская
научная библиотека
им. В. Г. Белинского

Жирондисты не могли терпеть возникшей во время восстания 10 августа революционной власти в Париже городского самоуправления (коммун), состоявшего из представителей городской бедноты и мелкой буржуазии... Они не хотели идти навстречу требованиям масс об установлении революционных порядков и о принятии мер к устранению продовольственной нужды, которая стала ощущаться в столице и в больших городах.

Война и революция расстроили экономическую жизнь, разрушили пути сообщения, оторвали от Франции колонии и сократили подвоз продуктов питания, поставив население перед угрозой голода. Уже зимой 1792/93 г. рабочие и ремесленники начали страдать от недостатка с'естных припасов. В марте месяце произошли большие голодные беспорядки; бедняцкие массы требовали решительной борьбы с голодом и растущей дороговизной, в частности, установления твердых цен (таксы) на все продукты или, как говорили тогда, «максимума».

Известия о положении дел на фронтах продолжали оставаться тревожными. Как прежде приешники короля, так и теперь близкий к жирондистам главнокомандующий генерал Демурье не хотел защищать революции и в конце концов перешел к неприятелю. Армия была дезорганизована этой изменой; опасность неприятельского вторжения, за которым последовало бы уничтожение всех завоеваний революции, снова нависла над Францией и в первую очередь над революционной столицей.

Требовалось колоссальное напряжение революционной энергии, под'ем массового революционного движения для того, чтобы вновь спасти революцию, находящуюся под угрозой гибели. Жирондисты не могли опереться на массы, которых они боялись; якобинцы, представители мелких собственников, были более способны заключить союз с революционной массой.

Поэтому они сумели провести в Конвенте весной 1793 г. некоторые требования, выдвигаемые широкими массами, и в том числе установили «максимум» на зерно.

В апреле массы выдвигают решительное требование об удалении из Конвента жирондистов, являющихся помехой для защиты революции. 31 мая и 2 июня (1793 г.) происходит новое массовое выступление, руководимое Парижской Коммуной, выступление, имеющее своей целью удалить из Конвента жирондистов. Это выступление увенчалось успехом, виднейшие представители жирондистской партии были изгнаны из Конвента; якобинцы сделались теперь господствующей группой в Конвенте. С этого момента можно считать началом существования якобинской, или мелкобуржуазной, диктатуры, созданной выступлением широких революционных парижских масс.

Жирондисты были отстранены, потому что не могли защитить революцию. Спасение и укрепление революции выпало теперь на долю мелкой буржуазии—якобинцев. Задача была нелегкой. Революционная Франция находилась в неслыхан-

но тяжелом положении. Еще зимой 1793 г. увеличилось число врагов революционной Франции. Испуганные развитием революционного движения, Англия, самое могущественное государство тогдашней Европы, и ряд мелких государств, окружавших Францию, одно за другим присоединяется к воевавшим против нее врагам, и в конце концов Франция оказалась окруженной со всех сторон тесным кольцом противников. Разруха хозяйственной жизни росла. Не было возможности удовлетворить не только нужды гражданского населения, но и потребности армии. Вследствие этого и вследствие измен командного состава армии находились в отчаянном состоянии.

Внутри самой Франции на фоне хозяйственной разрухи и огромных продовольственных затруднений разразилась жестокая гражданская война. Департаменты ¹⁾, поднятые некоторыми бежавшими из Парижа жирондистами, восстали против революционного Парижа, восстали также против якобинской диктатуры все большие торговые города, некоторые из них даже призвали иностранные военные силы. Одно время в открытом мятеже против революционного правительства участвовало более 60 департаментов из общего числа 80.

В этих условиях представители мелкой буржуазии—якобинцы,—пришедшие к власти на плечах широкого массового движения, обнаружили

¹⁾ Департамент—административная единица Франции, нечто в роде нашей губернии.

невиданную до того революционную решимость, широкий творческий размах.

Для того чтобы закрепить свой союз с массами, они в первую очередь провели в Конвенте буквально в несколько дней написанную конституцию, обеспечивавшую самую широкую демократию, какую Франция до тех пор когда-либо знала. Однако, понимая прекрасно, что в условиях ожесточенной гражданской войны, в условиях борьбы на внешних фронтах и борьбы с контр-революцией невозможно было осуществлять демократию, якобинцы организовали правительство на основах диктатуры.

Вся власть в области внутренней и внешней политики была передана Комитету общественного спасения, составленному из лучших представителей якобинской партии. Параллельно с ним существовал специальный орган для борьбы со всеми контр-революционными происками—Комитет общественной безопасности. Оба комитета назначались и контролировались Конвентом. Конвент сумел связаться с самыми отдаленными уголками Франции, сумел обеспечить и там, в далеких провинциях, проведение революционных мероприятий. В этих целях в провинцию командировались представители Конвента или Комитета общественного спасения—комиссары, наделенные неограниченной властью и полномочиями. Комиссары на местах входили в сношения с революционными элементами и при их содействии

проводили все революционные мероприятия и все меры, направленные на борьбу с контр-революцией. Эти революционные элементы были организованы в так называемые народные общества—политические клубы, состоявшие из бедноты и мелкой буржуазии. Все эти народные общества, число которых достигало 44 тысяч, являлись подлинным оплотом революции. В лице якобинского клуба в Париже они имели как бы свой центр, откуда получали адреса, воззвания, указания и разъяснения текущих политических событий...

Огромную деятельность развили якобинцы и по реорганизации армии. Они установили выборность младших командных должностей; они поставили высший командный состав под надзор комиссаров, которые должны были обеспечить в армии проведение революционных мероприятий, поднять дух войск, вести среди солдат агитацию и пропаганду, организовать снабжение и т. д.

Окруженные со всех сторон врагами, заговорами, шпионажем, изменой, якобинцы пустили в ход страшную машину террора. Революционный трибунал быстро и беспощадно карал врагов революции, революционные комитеты выискивали этих врагов. Враждебная печать была обречена на молчание.

На террористические мероприятия, на проведение диктаторских мер якобинцы шли вполне сознательно, отчетливо представляя себе необходимость применения террористических мер. Робеспьер, вождь якобинцев, так определял задачи

и характер правительства революционной диктатуры: «Целью конституционного порядка управления является сохранение республики; целью порядка управления революционного—ее установление. Революция—это война свободы против ее врагов, а конституция есть режим свободы победоносной и мирной. Революционный порядок управления должен быть исключительно активным именно потому, что он находится в состоянии войны... Он вынужден беспрестанно употреблять новые и быстрые средства против новых и сильных опасностей... Революционный порядок управления обязан покровительствовать всем добрым гражданам, но для врагов народа у него есть только одно—смерть...»

«Я,—говорил другой якобинец, оценивая террористические мероприятия революции,—сравниваю революцию как бы с дорогой, по которой должна двигаться быстрая колесница революционного правительства; если она встречает на своем пути препятствия, задерживающие ее ход, является совершенно правильным, разумным и справедливым устранить эти препятствия и сделать дорогу гладкой, удобной и легко проходимой...»

Мы уже указывали на тот факт, что крупные собственники-жирондисты не были в состоянии идти навстречу требованиям масс, якобинцы были более способны удовлетворить эти требования. Хотя буржуазная революция имеет своей целью уничтожение феодальных порядков, но ни одна

группа буржуазии, стоявшая у власти до якобинцев, не была настолько решительна, чтобы освободить французского крестьянина от эксплуатации со стороны дворянина-помещика. Одни якобинцы, представители мелкой буржуазии, оказались для этого достаточно решительными. 2 июня произошла революция, приведшая их к власти, а уже 17 июля были решительно уничтожены все права помещика, все уплачиваемые в его пользу повинности.

Жирондисты—крупные торговцы и промышленники—не желали удовлетворить основного требования городской бедноты—установления твердых цен на продукты. Жирондисты полагали, что торговля и промышленность могут процветать только при полной свободе, и не допускали и мысли о каком бы то ни было стеснении и регулировании коммерции. Якобинцы, хотя и не сразу, все же пошли навстречу требованиям масс и в сентябре провели закон об установлении таксы на все продукты.

Таким образом, мы видим, что якобинская диктатура была достаточно энергичной и революционной. Опираясь на широкие революционные массы, она сумела отстоять революцию от напора внешних и внутренних врагов, она довершила буржуазную революцию, сделав то, чего не могли сделать ни Учредительное, ни Законодательное собрания. Несмотря на все это, существование якобинской диктатуры оказалось недолговечным

Якобинцы продержались у власти немногим больше года, и их диктатура была сметена катастрофой, разыгравшейся 9 термидора.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ 9 ТЕРМИДОРА

Причины этой катастрофы коренятся в условиях экономического и социального развития тогдашней Франции.

Прежде всего мы должны обратить внимание на социальный характер группы, осуществившей диктатуру революционного правительства. Не забудем, что это была мелкая буржуазия, и все ее свойства, все ее качества, несомненно, отражались на характере ее деятельности...

Союз якобинцев с широкими городскими и деревенскими массами, как мы знаем, был тем фактором, который привел якобинцев к власти; но был ли и мог ли быть этот союз достаточно прочным и долговечным? Очень скоро союз городской бедноты и мелкой буржуазии дал трещину, а затем распался. Произошло это потому, что якобинцы, удовлетворив некоторые требования широких масс, не смогли реально удовлетворить их основные нужды.

Мы помним, что недостаток продовольствия, дороговизна и расстройство всей экономической жизни сильно ухудшили положение ремесленной и рабочей массы больших городов и в особенности Парижа. Дальнейшее обострение гражданской войны еще больше увеличило бедствия и страда-

ния этой массы. Между тем, и голод и падение бумажных денег, выпущенных еще Учредительным собранием, представляли прекрасную почву для расцвета деятельности злостных спекулянтов и скупщиков, наживавшихся на несчастьях и страданиях широких масс.

Еще при господстве жирондистов, наравне с требованиями об установлении таксы на продукты, выдвигалось требование о борьбе со скупщиками и спекулянтами. Эти требования выдвигались и поддерживались группой людей, выражавшей интересы ремесленного и рабочего Парижа, группой, которую ненавидевшие ее жирондисты прозвали «бешеными».

Вождь «бешеных», Жак Ру, в день принятия новой конституции, явившись в Конвент, критиковал эту конституцию с той точки зрения, что она не содержит в себе статей, направленных против спекуляции и наживы: «Запретили ли вы ажиотаж? Нет. Объявили ли смертную казнь ба-рышникам? Нет. Определили ли, в чем состоит свобода торговли? Нет. Запретили ли продажу денег? Нет...»

Жак Ру полагал, что «в течение четырех лет революции одни только богачи пользуются ее выгодами».

Представители рабочего предместья Сен-Антуан, явившись в Конвент, повторили в своей петиции ту же мысль: «До сих пор революция ложилась всей тяжестью на нуждающийся класс».

Впрочем, они тут же выдвигали и вполне конкретное требование: «Необходимо справедливое соответствие между ценой хлеба и заработной платой».

Но как могло существовать это «справедливое соответствие», когда рабочие и ремесленники были лишены всякой возможности защищать свои права и, в частности, добиваться увеличения заработной платы? Еще первое, так называемое Учредительное, собрание, состоявшее из дворян и представителей крупнейшей буржуазии, издало так называемый закон Шапелье, запретивший всякие объединения рабочих (закон этот был настолько полезен для буржуазии, что оставался в силе целых 75 лет, вплоть до 1864 г.).

Этот закон продолжал действовать и при диктатуре якобинцев. Кроме того, якобинским революционным правительством издавались и новые распоряжения: «Все союзы или сборища рабочих,—гласило распоряжение Комитета общественного спасения,—запрещены; рабочие ни в коем случае не имеют права собираться в группы для принесения своих жалоб; всякие такие сборища будут разгоняться, причем зачинщики и подстрекатели будут арестовываться и наказываться по закону...»

Здесь выступает на сцену якобинец-буржуа, мелкий предприниматель, желающий обороняться от напора эксплуатируемых им масс. Помимо того, военные обстоятельства, необходимость иметь рабочих для изготовления предметов, нуж-

ных для обороны страны и революции, заставили якобинцев принимать ряд весьма тяжелых и обременительных для рабочих и ремесленников мер. В первую очередь таким мероприятием были многочисленные мобилизации рабочих и ремесленников различной специальности. Эти мобилизации, называвшиеся тогда реквизициями, постоянно применялись по отношению то к той, то к другой профессии, в зависимости от нужд, выдвигаемых обстоятельствами.

Даже то мероприятие, на которое городская беднота возлагала свои величайшие надежды,— установление всеобщего максимума, т.-е. таксы цен на все продукты,—даже это мероприятие в конце концов было обращено против самой бедноты. Когда якобинцы под влиянием все усиливающейся продовольственной разрухи установили в сентябре 1793 г. таксу (максимум) на все товары, они, обеспечивая свои интересы как мелких предпринимателей, а также и нужды государства, создали таксу и на рабочую силу. Правда, цена на рабочие руки была установлена в несколько большей пропорции, чем цены на все остальные товары,—все же цена эта была чрезвычайно низка.

Так, согласно установленному максимуму, большинство рабочих должно было получать почасную плату в 3 ливра, что за вычетом нерабочих дней давало не более 939 ливров ¹⁾ в год. Между

тем, прожиточный минимум одного взрослого человека (в 1793 г.) равнялся, примерно, 714 ливрам; следовательно, у взрослого рабочего на содержание семьи, хотя бы и очень многочисленной, оставалось не более 225 ливров, т.-е. семьи рабочих и ремесленников были буквально обречены на голодную смерть.

Значительно хуже было то, что в руках государства и предпринимателей имелись все средства для того, чтобы заставить рабочего продать свою рабочую силу по цене, установленной максимумом, а рабочий, гонимый голодом, был вынужден платить любому спекулянту с естественными продуктами в 10 раз больше установленной цены.

Следовательно, жадный скупщик, спекулянт, мародер не прекращал своей деятельности и после издания закона о максимуме. Напротив, торгуя из-под полы, опасаясь жестокой кары, он запрашивал с бедняка, гонимого нуждой и голодом в его цепкие лапы, еще дороже. Кары за нарушение закона о максимуме были очень суровы: «Каждый продавший или купивший дороже максимума будет караться штрафом от 300 до 1.000 ливров, а остающиеся у него зерновой хлеб и мука будут конфискованы. Тем, кто будет уличен в злостной или намеренной порче или утайке муки или зернового хлеба,—смерть»,—так гласил закон об установлении таксы на зерно. Несмотря на указанные строгости, хотя и был установлен тщательный и суровый контроль над деятельностью как торговцев, так и производителей

¹⁾ Ливр—старинная французская монета, в то время равнялась приблизительно довоенному франку—35—40 к.

товаров,—законы о максимуме, как бы они суровы и точны ни были, беспрестанной нарушались.

Вот отрывок из донесения одного комиссара в провинции: «Хлебопашец, занятый только одной своей выгодой, сделал все, что мог, чтобы уклониться от продажи своего хлеба и от вывоза его на рынок. Он льстил себя надеждой, что этот закон будет отменен, так как лица, ведущие торговлю зерном, подали петицию Конвенту, чтобы добиться его отмены... Абсолютный недостаток зерна и полное оскудение рынков вынудили состоятельных лиц доставать себе хлеб не на рынке, а другими путями,—они отправлялись к хлебопашцу и покупали не по максимуму. Нас даже уверяли, что парижские агенты платили любую цену, какую с них спрашивали».

Какой бы суровый контроль ни предписывался законом, закон о максимуме уже потому не мог быть соблюден строго, что наблюдение за его выполнением было возложено на городские коммунуны, которые обычно состояли сплошь из людей, заинтересованных в нарушении закона,—торговцев и купцов.

Но и по другой причине закон о максимуме не мог произвести ожидаемого беднотой эффекта: он являлся односторонней мерой. Установление таксы на продукты было попыткой регулировать лишь одну сторону хозяйственной жизни, именно торговлю. Об организации же производства никто не думал. Последнее обстоятельство является вполне понятным: крупной промышлен-

ности, за исключением немногих мануфактур, рудников и копей, тогда не существовало; кроме того, якобинцы, представители мелких собственников, не могли проповедывать и осуществлять социалистические идеи. Напротив, якобинцы были ожесточенными защитниками собственности. В день восстания, 31 мая, они в своем клубе дали торжественную клятву защищать и охранять собственность. По предложению одного из вождей якобинцев Дантона, Конвент установил смертную казнь за всякое посягательство на неприкосновенность земельной собственности.

Будучи ожесточенными защитниками частной собственности, якобинцы не могли идти навстречу требованиям, выдвигаемым беднотой и «бешеными». Конечно, ни тогдашние ремесленники и рабочие, ни сами «бешеные» не выдвигали коммунистических требований. Их требования были требованиями разоренных мелких собственников, мечтавших об уравнивании имуществ, о возвращении собственности людям, ее потерявшим.

Правда, и якобинцы, как мелкие буржуа, враждебно относились к большим состояниям. Так, определяя права собственности, Робеспьер, вождь якобинцев, говорил: «Право собственности, как и все другие права, ограничено необходимостью уважать права других людей. Оно не может наносить ущерб ни безопасности, ни свободе, ни собственности наших ближних; всякая собственность и сделка, нарушающие этот принцип, являются по самому своему существу безнравствен-

ными и незаконными». Робеспьер полагал, что «чрезвычайная неравномерность» в распределении богатств является источником многих бедствий и преступлений. Но тот же Робеспьер категорически утверждал, что «равенство имуществ — только химера, и что гораздо важнее заставить уважать бедность, чем уничтожить богатство...»

Робеспьер хотел поставить известные рамки пользования правом собственности, но городская беднота хотела сделать эти рамки еще более узкими. Один оратор депутации от предместий, выступавший перед Конвентом, с ненавистью говорил о людях, «выступающих с красивыми речами и наставлениями и ужинающих каждый день». Оратор другой депутации, выступая в Конвенте, сказал: «Есть другие аристократы (теперь мы бы сказали — контр-революционеры), — это все крупные купцы, все скупщики, банкиры и все имеющие что-нибудь. Нужно очистить от них землю отечества».

Но «очистить землю от всех, кто что-либо имеет», — на это якобинцы, конечно, идти не могли. Удовлетворить подобные требования масс для якобинцев было невозможно. Поэтому, используя союз с «бешеными» и беднотой для того, чтобы победить жирондистов, якобинцы после победы вступили в ожесточенную борьбу против своих прежних союзников. Начались преследования и Жака Ру и других «бешеных»; их подвергали арестам, предавали суду, возводя на них фантастические грязные обвинения... Таким путем яко-

бинцы мало-по-малу начали враждебно выступать против городской массы и против их вождей. Союз, приведший якобинцев к победе над жирондистами, окончательно распался.

Как же обстояло дело с деревенской массой? Якобинцы ликвидировали остатки господства дворян, помещиков в деревне. Они не только освободили крестьян от остатков феодальной зависимости, но и вернули крестьянам те земли, которые принадлежали крестьянским общинам и которые в дореволюционное время были захвачены жадными дворянами. Но и только. Якобинцы не наделили деревенскую бедноту землей, они не сделали этого, несмотря на то, что в их руках имелись огромные земельные богатства — земли, отобранные у духовенства еще Учредительным собранием, а также имущество, конфискованное у дворян-эмигрантов.

Нельзя сказать, чтобы якобинцы не понимали необходимости наделения бедняков землей. Незадолго до падения их диктатуры депутат Конвента Дюкенуа говорил на заседании якобинского клуба о необходимости добиться от Конвента «декрета о распродаже имущества эмигрантов меньшими участками так, чтобы каждый гражданин мог получить 1-2 арпана»¹⁾. Другой якобинец потребовал, чтобы платежи при покупке земли из принадлежащих государству фондов вносились в рассрочку. Он тут же получил раз'яснение от пред-

¹⁾ Арпан — мера земли, немногим больше одной трети десятины.

ставителя правительства, что такой закон уже существует, но не выполняется (закон действительно был издан еще в сентябре 1793 г.).

В том-то и заключалось все несчастье, что при том финансовом положении, в каком находилось якобинское правительство, деньги, поступавшие за земли, проданные из фонда, образовавшегося благодаря конфискации земель, так называемых «национальных имуществ», были чуть ли не единственными поступлениями казны. По этой причине эти земли могли быть продаваемы лишь на условиях скорейшего получения денег с покупателя, каковыми, следовательно, могли быть лишь люди зажиточные.

Действительно, национальные имущества сделались предметом ожесточенной спекуляции для буржуазии как городской, так и деревенской; на почве этой спекуляции, как и на почве денежного ажиотажа, создавались колоссальные состояния. Между тем бедняки почти ничего не получили от распродажи национальных имуществ.

Именно поэтому «бешеные» требовали, чтобы «уполномоченные народа открыли доступ к национальным богатствам тем, кто находится в нищете».

Этот доступ не был открыт ни к национальным имуществам, ни к имениям крупных собственников. Проповедь и изложение различных теорий о переделе земли называли тогда «аграрным вопросом», а за проповедь аграрного закона Конвент, как мы уже об этом говорили, по предло-

жению якобинца Дантона, назначал смертную казнь. Робеспьер же характеризовал аграрный закон как «призрак, созданный жуликами для устрашения глупцов...»

Таким путем создавались условия, при которых деревенской бедноте не за что было защищать якобинскую диктатуру. С другой стороны, деревенский кулак и зажиточный крестьянин опасались углубления революции, ибо опасались, что дальнейший ход революции приведет к осуществлению «аграрного закона», и они потеряют все до сих пор захваченное и нажитое.

Здесь небезынтересно будет привести характеристику поведения французского крестьянина во время революции, данную Энгельсом в его записках «Из Парижа в Берн»:

«В первой французской революции крестьяне выступали революционно лишь до тех пор, пока этого требовали их ближайшие, ясно ощутимые частные интересы, пока не была обеспечена за ними частная собственность на их землю, обработывавшуюся ими ранее на условиях феодальных отношений, пока не были устранены эти отношения и не были удалены чужеземные армии из страны. Бесчисленные прокламации Комитета общественного спасения, бесчисленные декреты Конвента, прежде всего о максимуме и о спекуляции хлебом, карательные отряды и подвижные гильотины,—все это пришлось пустить в ход против упрямых крестьян».

Создавая буржуазные порядки во французской деревне, якобинцы создали мелкого самостоятельного земельного собственника—наиболее консервативную и наиболее дрожащую за свою собственность социальную группу.

А между тем обстоятельства складывались так, что этой собственности ежеминутно грозили многочисленные опасности. Голодные города и многочисленные армии требовали хлеба и других продуктов; все эти продукты приходилось отдавать по таксированной, твердой цене, получаемой в виде обесцененных бумажных денег. Созданная специально для борьбы с продовольственной нуждой так называемая «революционная армия», состоявшая из «добрых санкюлотов» — парижских бедняков—каждую минуту могла явиться в деревню произвести беспощадную реквизицию и учинить жестокую расправу над всеми укрытателями продуктов. Имелась такая армия и в провинции; ее задачей было «обследовать продовольственное положение местностей, организовывать молотьбу хлеба, охранять его перевозку и рассеивать толпы».

Один весьма решительный якобинец так изобразил деятельность тогдашней продовольственной армии: «Отряд армии, явившись в какую-нибудь деревню, спросит, богат ли здешний фермер. Если ответ будет утвердительным, фермера можно смело казнить, ибо его богатство обозначает, что он спекулирует».

Немало страдало крестьянство и от общей хозяйственной разрухи. Будучи вынужденным отдавать свои продукты по твердым ценам, крестьянин впоследствии не мог найти необходимых ему предметов ни за какие деньги, даже по вольным ценам. «Земледелец привозит вытребованное у него зерно,—пишет один комиссар Конвента из провинции,—он хочет купить платье, но не находит больше сукна,—торгующая им лавка закрыта. Винодел, скрепя сердце, продает свое вино по 12 су после трех плохих годов и встречает отказ в бэлье».

Естественно, что в деревне укреплялись и росли враждебные якобинскому правительству настроения. Тот же представитель Конвента, отрывок из доклада которого мы только что цитировали, писал: «Зреет глухое негодование, ненависть и нищета свивают себе гнездо среди граждан...»

Создавался враждебный диктатуре мелкой буржуазии класс и в городах. Спекуляция и ажиотаж, несмотря на самые суровые законы, продолжали расти и развиваться. Обстоятельства способствовали развитию спекуляции и создавали возможности для быстрой и легкой наживы. Война выдвинула на очередь необходимость крупных поставок предметов амуниции, снаряжения и продовольствия; нужда в деньгах толкала на быструю распродажу национальных имуществ, и военные поставки и продажа национальных имуществ становились источником огромной спекуляции и наживы. Недостаток продовольствия способствовал

развитию спекуляции с'естными припасами. Наконец, обесценение бумажных денег также являлось великолепной почвой, на которой пышно расцвел махровый цветок злостной спекуляции. Недаром вождь «бешеных» Жак Ру говорил, что «даже пруссаки (с которыми тогда воевала революционная Франция) не так опасны, как те, кто своими скупками и ажиотажем лишает пищи рабочих мастерских».

Благодаря всему этому создались кадры новой хищной, беззастенчивой, необычайно изворотливой буржуазии, прошедшей огонь и воду и медные трубы. Уже упоминавшийся нами Жак Ру так говорил о возникновении этой новой буржуазии: «Раньше у вас не было плуга, а теперь вы являетесь крупными землевладельцами; тогда вы вели мелкую уличную торговлю, а теперь у вас громадные магазины; раньше вы были простыми агентами, а теперь вы заведуете снабжением военных кораблей».

Следы ожесточенной борьбы против новой хищнической, спекулятивной буржуазии сохранились в виде процессов революционного трибунала, беспощадно расправлявшегося с врагами революции и революционного правительства. Многие историки часто обвиняли якобинцев в том, что жестокие кары террористического режима обрушивались на никому незаметную мелкоту и поражали ни в чем неповинных маленьких людей. На самом же деле, личности, прежде бывшие мелкими незаметными людьми (как об этом и говорит Жак Ру: «Вы

прежде вели мелкую торговлю, вы прежде были агентами»), теперь становились крупными акулами спекуляции и наживали себе огромные состояния. Мы можем видеть многих из этих людей перед судом революционного трибунала. Вот судятся за спекуляцию золотой монетой двое бывших слуг, двое старьевщиков и один ремесленник, изготавливающий мелкие поделки из китового уса. Вот на скамьях революционного трибунала сидят обвиняемые в сокрытии в земле кругленькой суммы в 12 миллионов ливров бухгалтер и приказчик. Вот бывший сапожник, а ныне поставщик обуви для армии, судится за поставку гнилых сапог, а вот двое рабочих, ткач и сапожник, привлеченные к ответственности за поставку негодного фуража для кавалерии.

Кадры новой буржуазии создавались и из среды самой правящей группы представителей революционных властей, уполномоченных Конвента в провинции и самих депутатов Конвента. Многие из этих лиц сумели использовать свое административное положение для наживы больших состояний. Тальен, депутат Конвента, берет колоссальные взятки во время своей командировки в восставший город Бордо. Баррас, после взятия предавшегося англичанам города Булона, составляет себе огромное состояние. По их стопам следуют Фуше, Фре-рон и другие, облеченные революционным правительством властью и доверием. Для всех этих личностей революция, как выражался непримиримый вождь бедноты, ее пламенный трибун и про

поведник—Жак Ру, «была великолепным предлогом для того, чтобы под видом патриотического рвения собрать себе груды сокровищ и скрыть свои хищения под непроницаемой завесой».

В лице только что упомянутых нами хищников-администраторов мы имеем дело с переродившими и с представителями господствующей партии якобинцев и с выходцами из так называемого болота, из той большой группы депутатов Конвента, которые, держась при решении важнейших вопросов весьма неопределенно, всегда готовы были идти за сильнейшей партией и, примкнув к ней, в тиши обдывали свои темные делишки.

Недаром, почти накануне своего падения Робеспьер и его друзья, выступая в якобинском клубе, требовали освещения с моральной и политической сторон жизни отдельных депутатов Конвента. Кутон, ближайший друг и единомышленник Робеспьера, желая отмежеваться от недобросовестных представителей власти, уверял, что сторонники Робеспьера «остались санкюлотами (бедняками) и останутся ими до конца, ибо невозможно, чтобы депутаты, увеличивающие свои состояния, не были бы заговорщиками. Мы не боимся, чтобы подверглись рассмотрению наши имущества...»

Позднее, уже после падения Робеспьера, якобинцы, защищаясь от наступающей реакции, не переставали клеймить своих врагов названиями «расхитителей общественного блага, расхитителей общественного достояния».

«Профессиональные бездельники, разбогатевшие благодаря получению наследства, миллионеры, благодаря хищениям, низостям и преступлениям...» Так аттестовали якобинцы своих врагов из среды враждебных им групп.

Сами якобинцы не были достаточно решительны и мужественны для того, чтобы идти навстречу требованиям масс в направлении уравнивания имущества. «Пусть нам не говорят, что наша цель— ограбление богачей,— заявлял один из представителей якобинцев,— пусть богачи сохраняют свои богатства, нажитые дурными или хорошими способами». Почему же заново сложившаяся и прежняя уцелевшая крупная буржуазия не могла ужиться с якобинской диктатурой?

Дело в том, что якобинцы, проявляя, с одной стороны, величайшее уважение к частной собственности, с другой стороны, под давлением масс вынуждаемые тяжелыми обстоятельствами гражданской войны и борьбы с внешними врагами и, наконец, следуя велениям своего инстинкта мелких собственников,— все-таки сделали очень многое для ущемления растущей и крепнущей буржуазии.

Ими был издан закон о максимуме, ставящий рамки свободной торговле, они декретировали прогрессивно-подоходный налог, поставивший под жестокие удары крупные доходы, наконец, они издали законы, ограничивающие как право передавать имущество по наследству, так и право делать крупные дарения. Последние два закона были

явно направлены к сокращению возможностей накопления крупных состояний.

На ряду с приведенным выше заявлением о нежелании отнимать у богачей их состояния, какими бы путями они ни были нажиты, мы можем привести и другие, звучащие совсем по-иному, декларации: «Невозможно, чтобы в чистой демократии 25 миллионов граждан зависели от одного миллиона, чтобы трудолюбивое население находилось в своего рода кабале у нескольких человек, обладающих состоянием, полученным благодаря интриге, случаю или хищению... Якобинцы всегда защищали права народа, освятив права каждого и каждого поставив на свое место для того, чтобы неимущая партия трудящихся не находилась в зависимости от партии праздных богачей».

Несмотря на то, что якобинцы издали закон карающий смертной казнью всякого, кто стал бы проповедывать земельный передел, в якобинском журнале мы можем прочесть о том, что необходимо установить такой порядок, при котором «те, у кого все есть, и те, у кого ничего нет, сошлись бы на средней линии, на которой никто не имеет ни слишком много, ни слишком мало».

Словом, и в делах и в словах якобинцев было достаточно много такого, что могло бы испугать имущих людей. Якобинцы были поставлены в такое положение, когда они вынуждены были сделать слишком мало для того, чтобы удовлетворить и удержать под своим влиянием широкие массы трудящихся и голодающих.

того, чтобы терроризовать и оттолкнуть от себя представителей имущих классов, представителей как прежней уцелевшей, так заново народившейся буржуазии.

Беспощадно предавались суду революционного трибунала спекулянты — поставщики, скупщики монет и т. д. Не менее беспощадно расправились и с участниками так называемого финансового заговора, в котором принимали участие даже некоторые народные представители.

Ко всему этому мы должны прибавить, что эпоха якобинской диктатуры была эпохой величайшей экономической разрухи, которая была результатом долгой войны с внешними врагами, ожесточенной гражданской борьбы. Впрочем, немалую роль в ухудшении экономического положения играл саботаж буржуазии и крестьянства, не желавших признать закона о максимуме. Общее экономическое положение Франции незадолго до падения якобинской диктатуры было весьма плачевно. Член Комитета общегосударственного спасения Лэндэ, делая осенью 1794 г. доклад Конвенту, говорил по поводу хозяйственного положения Франции: «Земледелие требует немедленной помощи, ибо скольким только несчастьям не подвергалось оно... Все промыслы и все профессии вызывают к вам о помощи и просят вашей поддержки. Работы приостановились, нужда растет, а потребности огромны. Несмотря на это, большое число землевладельцев не молотит своего зерна, не вымачивает льна, не треплет конопли; они

оставляют необработанной шерсть, пренебрегая прядением; верните же к деятельности деревенские мастерские, фабрики и мануфактуры... Торговля и промышленность Франции представляют в настоящий момент лишь руины прошлого и жалкие его остатки... Как будто какой-то дух-разрушитель, паря над Францией, поразил одновременно и ее сельское хозяйство и ее коммерцию... О довел до гибели шелковое производство и заставил забросить культуру тутового дерева — эти главные источники процветания южных департаментов. Он заставил вывозить за границу оливковое масло для того, чтобы погубить нашу мыловаренную промышленность. Иностранцы присылают вам свои товары и требуют в обмен ваши продукты, но вы их потребляете сами; таким образом, все ваши ресурсы будут очень скоро исчерпаны. Избавьте же Францию от несчастия быть данницей других народов и возвратите коммерции то, что у нее отняли невежество и заблуждение....»

В параллель с этой характеристикой бедственного состояния, характеристикой, даваемой членами правительства, мы можем привести слова депутата Конвента Лежандра, относящиеся к этой же эпохе и касающиеся того же предмета: «Коммерция не существует более, кредит и доверие исчезли... Земледелие, столь процветавшее в прошлом году, теперь во многих местностях кажется как бы пораженным параличом... Все труднее и труднее становится поддерживать сухопутный

транспорт, транспорт же водный парализован мобилизацией для флота матросов и корабельных плотников, как, впрочем, и недостатком грузовых судов...»

Таков был экономический фон последних месяцев существования якобинской диктатуры.

КРУШЕНИЕ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ. ПЕРЕВОРОТ 9 ТЕРМИДОРА

Якобинцы, говорили мы, были представителями мелкой буржуазии. Но мы хорошо знаем, что эта социальная группа очень пестра и очень сложна по своему составу. Это — целая социальная амальгама, целая смесь самых различных элементов.

В самом деле, мы относим к мелкой буржуазии и маленького хозяйчика, владельца мастерской, и владельца небольшого предприятия, и кустаря-одиначку, и представителя свободной профессии, квалифицированного интеллигента и т. д. Между тем, каждый из перечисленных нами представителей мелкой буржуазии имеет свои собственные интересы, которые до поры до времени могут оставаться невыявленными, но которые рано или поздно должны будут проявиться.

Общая борьба первоначально против жирондистов, потом против «бешеных» заставляла якобинцев оставаться едиными, но после одержанной над врагами победы началась борьба в стане победителей. Отдельные фракции мелкой буржуазии, представленные в якобинской партии, вступают

в жестокую борьбу друг с другом и истребляют одна другую.

Какие же группировки мелкой буржуазии были представлены фракциями, на которые распалось якобинство? Прежде всего, беднейшие слои мелкой буржуазии, ремесленники, мелкие торговцы имели своим центром парижскую коммуну. Уже знакомый нам Шометт, «прокурор коммуны», и его помощник Гебер вместе со своими сторонниками выражали интересы этого слоя мелкой буржуазии.

Шометт хотел облегчить тяжелое положение своих собратьев, сильно страдавших от экономической разрухи, переживаемой Францией. Он отстаивал необходимость организовать продажу дешевого хлеба, создавать учреждения социальной помощи: больницы, богадельни, приюты. Он хотел засеять пустырь овощами, чтобы облегчить продовольственный кризис. Именно люди из парижской коммуны настояли на организации «революционной армии». Они требовали жестоких террористических мероприятий по отношению к врагам революции и настаивали на беспощадном обложении имущих. Сторонники Шометта и Гебера имели много точек соприкосновения с «бешеными», что, впрочем, не мешало им ожесточенно бороться против них, вплоть до участия в их травле и истреблении.

Если бы программа шометтистов относительно обложения имущих и расходования городских средств на удовлетворение нужд малоимущих гра-

ждан была бы проведена в жизнь, то эти мероприятия легли бы тяжелым бременем на зажиточные слои мелкой буржуазии, интересы которой защищали другие фракции якобинцев, руководимые Дантоном и Робеспьером. В эпоху якобинской диктатуры именно эти группы являлись наиболее зажиточными слоями парижского населения: крупной торговой и промышленной буржуазии в Париже всегда было мало, а финансовые воротилы, откупщики и ростовщики—эта крупная буржуазия старого режима,—а также дворяне или бежали или уже были разорены.

Этим объясняется ожесточенная борьба умеренных групп якобинцев, сторонников Дантона и Робеспьера, против тех, чьим центром была парижская коммуна и клуб кордельеров, против сторонников Гебера и Шометта. Умеренные называли все проводимые Шометтом и Гебером мероприятия «ультра-революционными».

Вот что говорил умеренный якобинец относительно противников слева: «Я боюсь этих новых рулевых и опасуюсь, как бы они не овладели кораблем республики, только что выходящим из гавани, не овладели бы им для того, чтобы направить его в открытое море, заставить сражаться с бурями и утопить...» Другой выражался еще решительнее: «Наши злейшие враги,—говорил он,—не вне нас, мы их видим, они всегда среди нас (среди якобинцев), и они хотят идти дальше нас в революционных мерах».

Зимой 1794 г. сторонники Гебера, опираясь на клуб кордельеров и используя необычайно тяжелое экономическое положение и бедствия, испытываемые рабочими и ремесленниками, попытались поднять восстание и совершить переворот.

Несмотря на то, что они имели своих сторонников в военном министерстве и пользовались большим влиянием в «революционной армии», их попытка оказалась не только неудачной, но и роковой как для Гебера и Шометта, так и для многих их последователей. Беспощадная расправа, суд революционного трибунала и казни были их уделом.

Справившись с опасностью слева, умеренные сторонники Дантона и Робеспьера оказались лицом к лицу с новым врагом — с растущей реакцией. Все имущие люди, сохранившие свои состояния, все спекулянты, вновь нажившие громадные имущества, ждали и не могли дождаться конца террора и остановки или замедления революции.

Тогда-то и выступили дантонисты с требованием прекратить террор. Сам Дантон еще во время борьбы против жирондистов стоял за примирение их с якобинцами, и только полная невозможность добиться этого примирения решительно оттолкнула его в якобинский лагерь. Он и группа его друзей принадлежали к тем людям, которые очень многое получили от революции. Прежде неизвестные адвокаты, неудачные писатели, осмеянные стихотворцы, они теперь стали крупными политическими деятелями, знаменитыми народными

трибуналами, популярными журналистами, властителями общественного мнения. Они достигли высших должностей, они нажили крупные состояния и полагали, что революция закончена. Этим и объясняется то, что Дантон, сам когда-то учредивший революционный трибунал, теперь стал противником террора.

Сила дантонистов заключалась еще и в том, что они стали теперь оплотом реакции вообще, что на них стали с надеждой смотреть все новые богачи, все, кто боялся революции, и кто жаждал ее конца. Как выразился один из противников Дантона, последний стал теперь «центром объединения всех контр-революционных сил».

Между тем, справившись с оплотом геберистов, коммуной и кордельерами, одержавшие победу умеренные якобинцы сами расчищали дорогу реакции. Все те революционные органы, все те демократические организации, которые были центрами революционной деятельности и очагами массового движения, подвергались теперь разгрому, чистке и были бюрократизированы. Так, на выборную должность мэра Парижа робеспьеровцы поставили назначенца; выборную же должность «прокурора коммуны» заменили должностью «национального агента», заполненную также по назначению, и назначили на нее также сторонника Робеспьера.

Выступая в якобинском клубе, Робеспьер уже с недоверием и враждой говорил о народных

обществах, которые, как мы помним, были оплотом революции. Другой якобинец выразился в этом направлении еще определеннее и прямо сказал, что «смотрит на эти общества как на бич республики». Все это, конечно, вело к укреплению реакции и к ослаблению революции.

Но Робеспьер и его группа не желали все-таки быть захлестнутыми мутной волной реакции. Поскольку Дантон и его сторонники сделались теперь оплотом всех контр-революционных сил, Робеспьер атаковал этих своих союзников, и в ночь с 30 на 31 марта 1794 г. Дантон и виднейшие его сторонники были арестованы, затем судимы и казнены в первых числах апреля.

После победы, одержанной над дантонистами, диктатура якобинцев, бывшая диктатурой мелкой буржуазии, выродилась в диктатуру одной лишь группы этой буржуазии, выразителем интересов которой являлись Робеспьер и его сторонники. Эту группу мы можем определить как средне-зажиточные слои мелкой буржуазии. Это были зажиточные ремесленники, торговцы, мелкие домовладельцы и т. д.

Диктатура этой группы якобинцев, поставленная на очень узком фундаменте, находилась в положении весьма неустойчивом. Смысл всех дальнейших событий заключается в том, что оказавшаяся у власти группа пытается всеми силами упрочить свое положение, сохранить равновесие. Но на чью поддержку может она теперь рассчитывать? Беднейшие слои населения столицы от-

вернулись от нее еще после разгрома «бешеных», и если они в марте 1794 г. не поддерживали выступления геберистов, то еще меньше они были склонны поддерживать Робеспьера. Памятуя о гибели Гебера и Шометта, о разгроме коммуны и клуба кордельеров, малоимущие слои мелкой буржуазии не могли питать теплых чувств к Робеспьеру и его сторонникам. Представители имущих классов, все, кто взирал в свое время с надеждой на Дантона и его друзей, теперь были испуганы, оттолкнуты и, конечно, сделались заклятыми врагами робеспьеровского режима.

Насколько безнадежно было положение робеспьеровской группы, свидетельствует одно из мероприятий, проведенное Конвентом по настоянию Робеспьера,—свиный террористический закон, так называемый закон 22 прериала¹⁾. Закон этот был настолько суров, что в этом отношении превосходил все ранее изданные террористические законы. Сам Кутон, ближайший сторонник Робеспьера, характеризуя этот закон, говорил, что здесь «дело идет не столько о наказании, сколько об истреблении...» Дело заключалось в том, что оказавшейся у власти группе мелкой буржуазии можно было удержаться только при помощи жестоких террористических мероприятий.

И в Конвенте, и в Комитете общественного спасения, а в особенности в Комитете общественной безопасности создавались оппозиционные группы,

¹⁾ Прериаль—месяц революционного календаря, соответствует маю-июню.

входящие друг с другом в контакт. Назревало грозное антиробеспьеровское выступление.

Зашевелились все остатки разгромленных групп. В самом Комитете общественного спасения и особенности в Комитете безопасности был ряд людей, которые, если и не разделяли взглядов Гебера и Шометта, то по своим намерениям были близки к ним. Они полагали, что революция должна развиваться дальше и что робеспьеровцы тормозят ее поступательное движение. Из этих людей нужно указать на Билло-Варэн, который проектировал проведение некоторых социальных мероприятий, направленных к уравниванию имуществ и к облегчению положения беднейших групп населения.

Эти люди, бывшие врагами Робеспьера слева, вступали теперь в контакт с остатками дантонистов и со всеми теми, кто представлял новых богачей, нажившихся спекулянтов, всех тех, кто составлял «болото» или «долину» Конвента. Создавался противоестественный блок левых и правых, блок, направленный против диктатуры робеспьеровцев. Отношения обострялись, и дело дошло до открытого столкновения в Комитете общественного спасения, поводом к которому послужил уже упомянутый нами закон 22 прериаля.

Наблюдая конспиративную подпольную деятельность своих врагов, чувствуя, что надо принять самому какие-то меры, Робеспьер 8 термидора произнес в Конvente речь, в которой атаковал своих противников справа и слева: «Повсеместно

производились насильственные действия, имевшие целью расширить систему террора и клеветы,— говорил Робеспьер, нападая на своих врагов слева. Преступные чиновники массами производили незаконные аресты, разрушительные финансовые проекты угрожали умеренным состояниям и вносили ужас во многие, дотоле преданные революции семейства... Была установлена целая система голода сначала при помощи спекуляции, а затем войны, объявленной под предлогом борьбы со спекуляцией всей законной торговли».

Не менее ожесточенно нападал он и на своих противников справа. Он обвинял их в корыстолюбии и в намерении «покровительствовать спекуляции, поколебать общественный кредит, обесчестить французскую порядочность, благоприятствовать богатым кредиторам, разоряя и угнетая бедных, увеличить кадр недовольных, лишить народ национальных имуществ».

В заключение же своей речи Робеспьер предлагал установить диктатуру Конвента, но Конвента, очищенного после того, «как все партии будут раздавлены тяжестью национальной власти».

Кроме того, надлежало очистить и Комитет безопасности, подчинив его Комитету общественного спасения, «очистить также и этот последний и осуществить единство правительства под верховной властью Национального конвента».

На опыте коммуны и других городских органов все хорошо знали, что значило требование очистить Конвент и комитеты. Заключение своей

речи Робеспьер требовал попросту передачи в его руки и в руки его сторонников правительственной диктатуры под видом диктатуры Конвента. Противники Робеспьера были ошеломлены и колебались, но в конце концов Робеспьер потерпел поражение,— первое, начиная со 2 июня 1793 г. Конвент не только отклонил предложение о напечатании его речи и рассылки ее по всей Франции, но даже постановил передать ее на рассмотрение тех самых комитетов, на которые больше всего и нападал Робеспьер.

За ночь враги организовались и дали Робеспьеру решительный бой. Ни Робеспьеру, ни Сен-Жюсту, его ближайшему единомышленнику, не дали говорить, наоборот, его противниками слева и справа было принято постановление о предании суду и аресту как его, так и его ближайших сторонников.

Правда, арестованные были потом освобождены по распоряжению парижской коммуны, которая находилась в руках сторонников Робеспьера. После освобождения все арестованные собрались в городской думе, которой надлежало, как и в дни 10 августа, 31 мая и 1 июня, сделаться центром массового движения. В дни 31 мая и 2 июня городская дума была действительным центром большого массового движения, а теперь она оказалась штабом без армии.

На самом деле, кто мог теперь выступить на поддержку робеспьеровцев? Широкие рабочие и ремесленные массы оставались совершенно равно-

душными ко всем попыткам поднять их на выступление. Напрасно мэр Парижа, сторонник Робеспьера, обратился с демагогическим воззванием к гражданам. По поводу врагов Робеспьера в этом воззвании говорилось: «Амар ¹⁾, дворянин, получающий 30.000 ливров, Дюбаррон, виконт, и подобные ему чудовища: Колло д'Эрбуа, сторонник подлого Дантона, артист при старом режиме, похитивший выручку своей труппы, Бурдон из Уазы, постоянно клеветавший на парижскую коммуну, Барер, по очереди принадлежавший ко всем партиям и заставивший установить максимум заработной платы с целью уморить рабочих голодом,—таковы мерзавцы, на которых, народ, указывает тебе, коммуна. Восстань же, народ, чтобы не потерять плодов 10 августа и 31 мая и уложи в могилу своих предателей».

Но массы остались равнодушными к подобным воззваниям. Как могли они выступить на поддержку той группе, которая в свое время ничего для них не сделала, которая казнила их вождей и их рядовых представителей? Помимо того, те органы, которые могли начать движение,—различные революционные организации,—теперь были ослаблены, «очищены», бюрократизированы. Ха-

¹⁾ Амар—член Комитета общественной безопасности, представитель левого крыла противоробеспьеровской оппозиции. Барер и Колло д'Эрбуа—члены Комитета общественного спасения. Бурдон и Дюбаррон—члены Конвента; первый принадлежал к правому, а второй к левому крылу враждебной Робеспьеру коалиции.

рактерным является то, что тот район, в котором казненный якобинцами Жак Ру был популярным вождем, этот район, населенный рабочими ленточного производства, выступил теперь на защиту Конвента против робеспьеровцев.

Вероятно, сам Робеспьер и ближайшие его сторонники, находясь в городской думе, сами понимали безнадежность своего положения как инициаторов и вождей массового движения. Они оставались нерешительными, без конца колебались и, упустив удобный момент, сами в свою очередь были атакованы и без всякого сопротивления захвачены отрядами, составленными из верных Национальному конвенту районов. На другой день 10 термидора (28 июля) Робеспьер и его сторонники были казнены.

Левассер, якобинец и депутат Конвента, находившийся долгое время в отсутствии и вернувшийся в Конвент уже после катастрофы 9 термидора, так описывает тогдашнее состояние Конвента, этого некогда революционного собрания «Он порастил меня: вершина «горы», где недавно толпились две трети депутатов, была теперь оголена и почти пустовала. Большинство ее членоз перешло в болото, где они смешивались с пошлой толпой, поддерживающей все торжествующие партии... Но более всего я удивился, увидав на правой стороне Тальена, Лежандра, Фрерона; во всем собрании господствовало большое смущение».

Тальен, Лежандр и Фрерон, представители и выразители взглядов новой хищнической буржуазии, всех тех, кто сохранил свои имущества и нажил новые состояния,—вот кто были теперь действительными хозяевами положения. Вопреки надеждам левых якобинцев, желавших выступлением против Робеспьера углубить революцию, реакция росла и укреплялась. К власти возвращалась крупная буржуазия. Самым решительным доказательством этого было то, что впоследствии в Конвент вернули оставшихся в живых жирондистов. Правда, на это решились не сразу...

Но чрезвычайно скоро после 9 термидора началась борьба против революционных мероприятий со стороны реакционеров-термидорианцев, т.е. лиц, получивших власть в результате переворота 9 термидора.

Началось массовое освобождение заключенных из тюрьмы. Началась борьба за восстановление свободы печати, которая при данных обстоятельствах являлась бы свободой проповеди политически реакционных идей...

По поводу массового освобождения из тюрьмы якобинец Мор, выступая в якобинском клубе, горько вопрошал: «Почему открывают тюрьмы для того, чтобы позволить выйти из них бывшим графам, герцогам и другим знатным, а также родственникам эмигрантов?..»

«Откроем глаза,—говорил другой член якобинского клуба,—откроем глаза на происходящее с момента падения тирана (так, желая выявить свою

лойяльность происшедшему перевороту, стали называть теперь Робеспьера): аристократия поднимает голову, а патриотизм (революционность) подвергается нападению, множество интриганов поднялось для того, чтобы проповедывать умеренность».

Реакция действительно смелела. Уже в конце августа в Конвенте была сделана попытка поднять обвинение против членов Комитетов общественного спасения и общественной безопасности, которые являлись членами левого крыла противоробеспьеровской оппозиции.

Отменяя целый ряд революционных мероприятий, смягчая законы против контр-революционеров, преобразовывая революционный трибунал вообще желая как можно скорее покончить с революционным прошлым, — термидорианцы-реакционеры добрались и до якобинского клуба. 11 октября был принят декрет, стесняющий деятельность «народных обществ», разрушающий все имеющиеся между ними связи, изолирующий их друг от друга и лишаящий их единого, направляющего их деятельность центра, каким был якобинский клуб. Меньше чем через месяц после этого состоялось последнее заседание якобинского клуба, и 11 ноября Конвент постановил закрыть якобинский клуб.

Предварительно многие видные якобинцы были подвергнуты арестам и преданы суду за свою прежнюю революционную деятельность. Сам клуб подвергался неоднократным нападениям и разгромам со стороны шаяк золотой молодежи, сынков

новых богачей, душой и вождем которых был прежний якобинец и террорист, депутат Фрерон...

Все вышесказанное характеризует деятельность Национального конвента, бывшего когда-то революционным собранием, как собрание реакционное. Просуществовав еще вплоть до 1795 г., он закончил свою деятельность созданием конституции, окончательно зафиксировавший переход власти к крупной буржуазии: снова был установлен для участия в политической жизни крупный ценз. Согласно этой же конституции, было запрещено существование каких бы то ни было народных обществ...

Подведем итоги всему вышесказанному. Поставленные у власти массовым выступлением 31 мая и 2 июня 1793 г. якобинцы—представители мелкой буржуазии—сыграли огромную революционную роль. Они более, чем жирондисты,—представители крупной буржуазии—были способны на союз с широкими революционными массами. Между тем этот союз являлся условием, совершенно необходимым для спасения революции. Только величайшее напряжение революционной энергии, поддержка широких революционных масс могли спасти революцию от ударов реакции, наступавшей на Францию в виде неприятельских армий дворянских государств. Якобинцы оказались в состоянии спасти революцию от грозивших ей извне опасностей.

Якобинцы совершили великое дело, довершив до конца буржуазную революцию. Они уничтожили остатки феодализма в деревне, и в этом заключается их величайшая заслуга.

Однако, будучи революционерами в области политической, спасая и довершая до конца буржуазную революцию, якобинцы в экономической области могли выдвигать только реакционные планы и проекты. Как представители мелкой буржуазии т.-е. мелких собственников, они прежде всего были противниками накопления капиталов в одних руках, и здесь они вступали в противоречия с возложенной на них историей задачей. Задача эта заключалась в том, чтобы укрепить буржуазную революцию, т.-е. способствовать созданию таких порядков, которые обеспечили бы укрепление и рост капиталистических отношений, рост капитала, увеличение накопления.

Та хищническая, спекулятивная, алчная буржуазия, которая была политически реакционна, которая разрушала народные общества, выпускала из тюрем контр-революционеров и преследовала якобинцев, эта термидорианская буржуазия представляла из себя авангард прогрессивного класса класса, за которым было будущее и который поднимался к господству. В этом и заключался секрет его победы и секрет поражения якобинцев.

Поэтому смешны и наивны были надежды левых якобинцев использовать борьбу против Робеспьера к своей выгоде. Если и Робеспьер являлся помехой для торжества крупной буржуазии, для

укрепления капиталистических порядков, то они, желавшие идти гораздо дальше Робеспьера в направлении ущемления имущих классов, в направлении уравнивания имуществ, должны были быть попросту отброшены торжествующей крупной буржуазией.

Мы много раз говорили о том, что якобинцы как мелкие буржуа, как представители мелкой собственности, как дети своей эпохи, той эпохи, когда капитализм находился в зачаточном состоянии, когда крупной промышленности почти не существовало, не могли наметить социалистических мероприятий. По этим причинам они оказывались совершенно беспомощными в деле организации народного хозяйства. Они не могли завладеть тем, что мы теперь называем «командными экономическими высотами».

По этим же именно причинам эти командные высоты ускользали из-под их власти и попадали в руки враждебного им политически реакционного, но экономически прогрессивного класса — крупной буржуазии, представленной поставщиками, спекулянтами, перепродавцами национальных имуществ и т. д.

Положение мелких собственников, мелких буржуа противоречиво: они, с одной стороны, вечно опасаются роста крупных капиталов, который грозит обратить их в неимущих пролетариев, но, с другой — они чувствуют панический страх перед каждым выступлением людей, уже лишенных собственности, ибо боятся за целостность своей собствен-

ности, могущей подвергнуться атакам со стороны неимущего населения. Ремесленные и рабочие массы того времени, как и якобинцы, не выдвигали социалистических требований. Принципиальной разницы между взглядами якобинцев и требованиями бедноты, в сущности говоря, не было. Беднота только дальше шла в требованиях уравнинения, чем этого хотели якобинцы. Но здесь якобинце просыпался дрожащий за свою собственную жизнь. Продовольственная разруха, падение ственность мелкий буржуа, и он приходил в ужас от требований бедноты. Впрочем, осуществление этих требований тоже завело бы революцию в экономический тупик, потому что эти требования в конечном счете оказывались экономически более реакционными, чем взгляды самих якобинцев.

На самом деле, и обедневшие ремесленники и рабочие не выдвигали тогда коммунистических требований. Они хотели бороться с ростом богатств, т.-е. с накоплением капиталов, в то время как весь смысл революции заключался в том, чтобы создать условия для развития капитализма.

Якобинцы колебались, бросались из одной стороны в другую. Они слишком мало сделали, чтобы привязать к себе широкие массы населения, но они совершили слишком много, чтобы вселить к себе ужас и ненависть в сердца представителей нового прогрессивного класса—крупной буржуазии. Этот класс поднимался и рос, и якобинцы ничего не могли противопоставлять этому росту, напротив, обстоятельства способствовали ему.

Якобинцы не могли прекратить войны, потому что оборона революции и была их историческим предназначением. Между тем, война являлась почвой, на которой пышно росли спекуляция и колоссальная нажива.

В качестве мелких буржуа, представителей разпыленного класса мелких собственников, якобинцы не могли организовать и наладить хозяйственную жизнь. Продовольственная разруха, падение бумажных денег опять-таки представляли собою прекрасную почву для образования хотя бы и хищническим путем крупных состояний.

И, наконец, по целому ряду причин, перечисленных нами, якобинцы не в состоянии были прекратить спекуляцию с продажей национальных имуществ, что также являлось одной из

основных предпосылок к созданию новой, крупной буржуазии.

II. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЧТО ЭКОНОМИЧЕСКИ ОЗНАЧАЛ БЫ У НАС «ПУТЬ ТЕРМИДОРА?»

на базе новых, капиталистических отношений. Налицо имелся особый класс—крупная буржуазия,—готовый взять на себя руководство хозяйственным развитием Франции. Этот класс располагал такой экономической силой, которой было достаточно для того, чтобы не только остановить дальнейший распад всех сколько-нибудь нормальных производственных связей и покрыть издержки революции, но и для того, чтобы расширить эти связи, т.-е. поднять Францию на новую, более высокую экономическую ступень.

События 9 термидора разыгрались в обстановке тяжелого экономического кризиса, охватившего все основные каналы хозяйственной жизни якобинской Франции: промышленность, сельское хозяйство, денежное обращение и торговлю. Этот кризис сопровождался обострением нужды бедствий широких масс городского и деревенского населения; ростом голода и нищеты, параллельном усилении экономического положения крупной буржуазии, сложившейся в новую социально-хозяйственную силу, главным образом благодаря условиям всеобщего разорения войны, массовой нужды, финансового кризиса и спекуляции.

Для решения этих задач крупной буржуазии не хватало одного: организованной политической силы—государственной власти. Нельзя было рассчитывать на длительный экономический успех, не обладая государственной властью. Наоборот, располагая аппаратом государственной власти, крупная буржуазия, помимо того, что ей удалось крепко завязать узлы новых производственных отношений, могла бы защитить себя как экономического господствующего класса от покушений и со стороны феодальных элементов и со стороны трудящихся масс.

Режим якобинской диктатуры не умел обслуживать интересов крупной буржуазии. С точки зрения экономической, этот режим, поскольку он задерживал переход от феодализма к буржуазному способу производства, был реакционен. Он не отвечал потребностям объективного экономического развития. Накануне 9 термидора внутри правящих верхушек были, правда, отдельные

Старые феодально-цеховые производственные отношения и вытекающие из этих отношений всякого рода ограничения капиталистического развития были взорваны и устранены революцией. Тем самым были созданы общие условия, общие предпосылки, необходимые для подъема хозяйства

группки большей частью переродившихся якобинцев, ориентирующихся на защиту интересов крупной буржуазии против мелкой, но ни в Конвенте, ни в других государственных организациях эти группки не имели решающего влияния. Требовалось в порядке насилия отсечь руководящую группу якобинцев, возглавляемую Робеспьером. Сделать это было тем более легко, что к моменту 9 термидора режим якобинской диктатуры перестал быть режимом широких слоев мелкой буржуазии и выродился в диктатуру в общем довольно небольшой мелкобуржуазной группы зажиточных ремесленников, домовладельцев и лавочников средней руки.

Переворот 9 термидора был активным выражением протеста крупной буржуазии против диктатуры якобинцев, в рамках которой она не могла реализовать своего дальнейшего существования. Свергнув господство якобинцев, крупная буржуазия получила в свои руки аппарат государственной власти. Реакция, последовавшая после событий 9 термидора, была временем укрепления и расширения господства экономического и политического господства этой буржуазии. В ходе термидорианской реакции был подготовлен процесс нормализации капиталистического способа производства, процесс, широко развернувшийся к концу 90-х годов XVIII столетия.

Период термидора завершал революцию. До этого периода революция руками мелкой буржуазии разрушила строй феодальных производствен-

ных отношений. После этого периода революция руками буржуазии выполняла положительную созидательную работу, закрепляя строй новых отношений — капиталистический строй.

Великая французская революция была буржуазной революцией потому, что, уничтожив феодализм, она поставила на его место буржуазный способ производства и буржуазное государство. Надо помнить при этом, что выход к буржуазному способу производства и к буржуазному государству при тогдашних условиях был наилучшим.

Капитализм как экономическая система, буржуазное государство как его политическая оболочка, по сравнению с феодально-цеховым хозяйственным укладом и абсолютной монархией, были прогрессивными, передовыми формами общественной жизни.

Переход власти в руки крупной буржуазии отлучал объективным тенденциям общественного развития, соответствовал потребностям хозяйственной жизни. Взяв власть в свои руки, буржуазия стала во главе того экономического и политического порядка, который был во много раз выгоднее феодализма. Буржуазный порядок поднимал общество экономически, технически, культурно.

Оценивая под этим углом зрения период, предшествующий перевороту 9 термидора, когда совершался процесс перерождения отдельных частей правящей верхушки и подготавливался приход

к власти крупной буржуазии, равным образом как и период непосредственного переворота, когда были устранены якобинцы, руководимые Робеспьером, и крупная буржуазия взяла власть, надо признать, что весь этот период, если судить о нем по его историческим результатам, имел прогрессивное значение. Он был прогрессивным в той мере, в какой в течение этого периода была обеспечена нормализация капиталистического способа производства, рост промышленности, капитализация сельского хозяйства, рост дорожного строительства, устойчивость валюты, развертывание товарооборота, короче говоря, закрепление капитализма и, следовательно, устранение опасностей реставрации феодально-цехового уклада хозяйственной жизни.

Процесс экономического под'ема Франции обнаружился не сразу, а через несколько лет после переворота 9 термидора. Однако, не подлежит сомнению, что термидорианский переворот, устранивший господство мелких буржуа, оказавшихся неспособными дать серьезную, положительную программу экономического строительства, и утвердивший господство крупной буржуазии, был целой вехой, прологом к под'ему капитализма во Франции.

Через эпоху термидора Франция шла от низкой формы производства к более высокой—к капиталистической.

Когда теперь сравнивают текущий этап нашей революции с эпохой термидора, то забывают

обычно, что так называемый «русский термидор» означал бы по существу явление принципиально иного типа, чем термидор Великой французской революции.

Перерождение и гибель наших нынешних экономических порядков знаменовали бы собой пятное экономическое движение. Эти перерождение и гибель были бы движением от более высоких экономических порядков, от более высоких форм хозяйства к более низким, от социалистических—к капиталистическим.

Социалистическая революция отличается от буржуазной прежде всего тем, что она ставит себе совершенно другие экономические задачи. Суть всякой буржуазной революции сводится к тому, чтобы одну форму частной собственности заменить другой. В этом ее центральная задача. Центральной исторической задачей социалистической революции является создание общественной формы собственности вместо частной.

Первым шагом социалистической революции, определяющим развитие хозяйства в новом направлении, является экспроприация экспроприаторов, обращение в собственность рабочего государства основных средств производства, транспорта, кредита, земли, а у нас, в Советском Союзе, и внешней торговли.

Благодаря национализации основных рычагов хозяйства становится возможным создание таких экономических порядков, главную особенность

которых образует общественная собственность на средства производства и средства жизни.

Превращаясь в собственность государства, эти основные рычаги хозяйства, эти командные высоты, играющие ведущую роль во всей экономике страны, наполняются новым классовым содержанием. Если раньше, будучи собственностью буржуазии, они являлись орудием эксплуатации широких трудящихся масс города и деревни, то теперь, будучи собственностью пролетарского государства, они являются «командными высотами народного хозяйства, являются орудием трудящихся масс в их борьбе за полное и окончательное освобождение от всех и всяческих видов эксплуатации».

Социалистическая революция изменяет, таким образом, само назначение важнейшего руководящего сектора хозяйства. Но она изменяет также характер взаимоотношений между этим сектором и мелким, в частности, крестьянским хозяйством.

При господстве буржуазии рост промышленности и внутреннего рынка сопровождался разорением основных слоев крестьянства и мелких производителей вообще. При диктатуре пролетариата рост промышленности и внутреннего рынка совершается не на основе разорения главной массы крестьянства, а на основе роста трудового хозяйства, покупательной способности этой массы.

Сама эта масса все менее остается распыленной и предоставленной самой себе, все более охватывается кооперацией и все сильнее подчиняется руководству социалистического города.

Сказанное относительно промышленности верно и в отношении земли. Благодаря тому, что земля перестала быть объектом частной собственности и превратилась в собственность рабочего государства, она перестала быть орудием эксплуатации и разорения основной массы крестьянства, прежде всегда закрепощаемой кабальными условиями аренды. Наконец, область торговли, сосредоточиваясь в руках государства и кооперации, также перестает быть орудием эксплуатации и разорения крестьянского населения, поскольку весь процесс торговли, чем дальше, тем больше, превращается в процесс эквивалентного обмена между городом и деревней.

Все эти изменения в экономической жизни нашей страны, изменения, обусловленные фактом победы социалистической революции, сделали иным и порядок распределения национального дохода. Сократилось непроизводительное потребление ценностей за счет почти полного уничтожения доходов и расходов класса капиталистов, свергнутого и в основном размытого ходом революции и гражданской войны. На ряду с этим повысился доход трудящихся классов.

Совокупность фактов и обстоятельств, очерченных выше, с несомненностью доказывает, что с точки зрения коренных интересов большинства населения Советского Союза нынешний экономический порядок, именно потому, что в нем определилась победа социалистических элементов, стоит выше капиталистического порядка.

Что означали бы перерождение и гибель существующего у нас экономического порядка и замена его капитализмом? Что конкретно экономически, социально, культурно означал бы так называемый «русский термидор», призраками которого пугают нас устряловцы первого издания, обанкротившиеся белые мятежники, экс-министры—вчерашние соратники Колчака, вроде «самого» господина Устрялова, и устряловцы второго издания—оппозиционеры?

В общей форме мы уже установили, что перерождение социально-хозяйственных тканей пролетарской диктатуры означало бы попятное движение общества от форм экономически и политически более высоких к более низким. Конечно это было бы сопряжено с тем, что ведущий сектор народного хозяйства — командные высоты утратили бы свой теперешний социалистический характер и стали бы орудием эксплуатации пролетариата в пользу буржуазии. Экономический подъем города в значительной степени совершался бы на костях крестьянства, обираемого и в массе своей разоряемого капитализмом. Иным оказалось бы распределение национального дохода. Центр тяжести при этом распределении был бы передвинут в сторону буржуазии. Но такая передвижка немыслима без отказа от удовлетворения самых насущных материальных и культурных нужд трудящегося населения, без сокращения заработной платы, удлинения рабочего дня, ликвидации всего нынешнего законодательства о труде

без усиления налоговых тяжестей, всяческих прямых и косвенных поборов в деревне. Такая передвижка была бы немыслимой без сокращения доли трудящихся классов в национальном доходе страны. Что дело обстоит бы именно так—это бесспорно, особенно если принять во внимание, что, получив экономическую и политическую власть, буржуазия, по крайней мере на первых порах своего господства, была бы вынуждена прибегать к самым крайним мерам нажима на массы, ибо без этого нажима, обеспечивающего быстрое возрастание капиталистического накопления, она (буржуазия) неспособна восстановить себя как класс.

Вот что означал бы в нашей стране процесс буржуазного перерождения и гибели пролетарской диктатуры. Уже самое беглое сопоставление между типом хозяйственного развития у нас и типом хозяйственного развития во Франции в эпоху термидора до и после термидорианского переворота показывает редкую бессодержательность всех оппозиционно-устряловских аналогий. Эти аналогии, эти сравнения и отождествление ровно ничего не говорят, ровно ничего не выражают, кроме безграничного невежества тех, кто к ним прибегает. Там, во Франции, переворот 9 термидора, передавший власть в руки крупной буржуазии, совпадал с потребностями объективного экономического развития. У нас нечто подобное термидору—перерождение и свержение пролетарской

диктатуры — возможно только против течения естественного развития для доказательства того, что денций объективного экономического развития в условиях этого развития не заложены пред- Там переход к капитализму означал хозяйстве- посильки неизбежного перерождения и падения ное продвижение общества вперед, к новой форме пролетарской диктатуры.

производства, у нас возврат к капитализму означал В истории Великой Французской революции на чал бы движение вспять, от новой формы протермидор работало само экономическое развитие, изводства к старой, упадок, а не под'ем общества богатающая крупную буржуазию и разоряя все Там через термидор к утверждению хозяйствеостальные слои общества. У нас в наличии совер- ного и политического господства пришел наибошленно обратный процесс. Экономическое прогрессивный класс того времени—буржуазия развитие нашей страны, укрепляя раз- здесь, у нас, в условиях современной эпохи, бурбочий класс, повышая его жизненный уровень, жуазия является и экономически и политического политическую и иную культурность, поднимая реакционным классом, тогда как самым передблагосостояние толщи крестьянских масс и по- вым и во всех отношениях самым прогрессивньнижая удельный экономический вес буржуазии, классом является пролетариат. Там завершёнрабoтает против так называемого революции и установление капитализма привегермидора.

к развязыванию хозяйственных способностей кр Из года в год усиливается обобщественный, стьянства, завоевавшего и поделившего межсоциалистический сектор хозяйства. В 1923/24 г. собой феодальные земли,—к росту его благзальная продукция государственной и коопера- состояния и к повышению жизненного уровня гивной промышленности составляла 75,1% всей родских рабочих, так как после длительного зродукции Советского Союза, между тем как ва- стоя оживилась и выросла промышленность,—здесьювая продукция частной промышленности равня- у нас установление капитализма было бы связанась 24,9%. В 1924/25 г. на долю государства с понижением жизненного уровня как городскй кооперации приходилось уже 78,2% всей го- рабочих, так и трудящихся деревни. юовой продукции, на долю частника — 21,8%

Но дело не только в формальной бессодерж3 1925/26 г. государственная и кооперативная тельности оппозиционно-устряловских аналогйпромышленность дает 81,2% валовой продукции, Не для того мы рассматривали тип нашего хчастная—18,8%. В 1926/27 г. доля участия госу- зийственного развития, чтобы показать логичарства и кооперации в промышленности соста- скую никчемность ссылок на термидор. Мы рает 81,9% валовой продукции, частной—только сматривали тип и направление нашего хозяй8,1%. В 1927/28 г. валовая продукция государ-

ственной и кооперативной промышленности . Увеличивается удельный вес обобщественного числяется (предположительно) уже в 86,9 %, час сектора и в сфере товарооборота. Если в 1923/24 г. ная же—только в 13,1%. Даже в обла оля государства и коопераций в торговле составляла 59,2 %, а частного сектора — 40,8, то в сельского хозяйства обобщественный сектор 926/27 г. доля государства и кооперации уже теряет своих позиций, несмотря на то, что (оставляет 78,9 %, а частного сектора—21,5 % ¹) последние годы происходил процесс довольно строго под'ема частного, преимущественно, з 1927/28 г. доля государства и кооперации сосредняцкого крестьянского хозяйства. Да же тавит 84,5 %, частного же сектора—15,5 % ²). этих условиях наблюдался, например, рост ва Анализ этих конкретных цифровых показателей продукции кооперативных организаций ей дает нам основание говорить, что экономическое развитие Советского Союза работает прогрессивнее буржуазии. Мы вовсе не чувствуем себя при стьянские хозяйства, вовсе не составляющие ситив в положении глупеньких хвастунов, не экономически враждебной обобщественному сятюм в положении глупеньких хвастунов, не в- тору, мы получаем следующую картину родящих никаких опасностей, не замечающих ни- государственного и кооперативного хозяйства каких трудностей. Во всяком случае, мы выглядим валовой продукции (в процентах): не глупее, например, Троцкого, который еще

В 1923/24 г.—обобщественный (государств в начале 1924 г., когда частный сектор находился ный и кооперативный сектор хозяйства распо в более выгодных условиях, чем теперь, писал, гает 37,1 % валовой продукции, частный сектор что «во всех... отношениях наше положение 62,9 %; в 1924/25 г. обобщественный — 38,5 несравненно более благоприятно», частный—61,5 %; в 1925/26 г. обобщественный чем положение якобинской диктатуры накануне 40,8 %, частный—59,2 %; в 1926/27 г. обобщ 9 термидора. Троцкий считал, что наше положение вленный—42,4 %, частный—57,6 %.

Из всей товарной массы, выбрасываемой яковинцев. Почему же в настоящее время, при неслышном повышении удельного значения обобщественного сектора хозяйства, Троцкий ре- рынок, государственное и кооперативное хозяй шил, что наступило время для сравнения тепереш- ство имело в 1923/24 г. 48,7 %, тогда как сек частного хозяйства имел 51,3 %; в 1926/27

государство и кооперация имеют 57,5 %, частн ¹) Контрольные цифры народного хозяйства за 1926/27 г., стр. 206, 207 и 208. сектор (в том числе и крестьянское хозяйство) ²) «Контрольные цифры народного хозяйства на 1927/28 г.», стр. 488.

ней полосы в развитии Советского Союза с идеей, не обеспечивающей потребностей крестьянского хозяйства. Это означало бы далее, что частный капитал все глубже вклинивается между рабочим государством и крестьянством, приобретая экономическое, а следовательно, и политическое влияние на это последнее. Незачем говорить, что такого рода перспектива разрыва между госпромышленностью и сельским хозяйством, между политически настолько силен, что, даже допуская рядом с собою в известных пределах образование пролетариата и крестьянством, знаменовала бы новую буржуазии, он приобщает крестьянство к государственной власти не через посредство буржуазии и мелкобуржуазных партий, а непосредственно, преграждая буржуазии вообще доступ к политической жизни. Экономическое и политическое состояние Европы таково, что только не исключает, но, наоборот, делает неизбежным перенесение революции на ее территорию. Если, следовательно, во Франции даже и более проницательная политика якобинизма вряд ли могла бы радикально изменить дальнейший ход событий, то у нас, при неизмеримо более благоприятной обстановке, правильность политической линии, направляемой методами марксизма, является на продолжительный срок решающим фактором в деле ограждения революции от опасностей.

...Возьмем условно худший, наименее для нас благоприятный исторический вариант. Быстрый рост частного капитала, если бы таковой стал наблюдаться, означал бы, что государственная промышленность и торговля, включая коопера-

Изучение реальных хозяйственных процессов, протекающих в стране, показывает, что этот вариант не осуществился. Возможности роста частного капитала все более и более становятся минимальными. Почему же в таком случае мы вошли в полосу «русского термидора», почему рабочий класс должен потерять свое экономическое и политическое господство, раз наличествуют усиление социалистического сектора хозяйства, рост социалистического строительства? Ведь уже два с лишним года тому назад Троцкий утверждал, что вопрос о том, «кто кого» решился в пользу социализма.

«Эти данные, — писал Троцкий, анализируя контрольные цифры Госплана на 1925/26 г., имеют всемирно-историческое значение. Больше, чем столетия непрерывная деятельность социал-истов, начавшаяся с утопий и приведшая затем к научной теории, впервые разрешилась могущественным экономическим опытом, который длится почти восемь лет. Все, что писалось о социализме и капитализме, свободе и принуждении, о диктатуре и демократии, — все это, пройдя через горнило Октябрьской революции и советского хозяйственного опыта, предстало перед нами в новом, несравненно более конкретном виде. Цифры Госплана подводят — пусть черновой, пусть предварительный, — но первый итог первой главы великого опыта превращения буржуазного общества в социалистическое. И этот итог складывается целиком в пользу социализма.

«...От сводной таблицы Госплана тянутся неразрывные нити назад, к марксову и энгельсову Манифесту коммунистической партии, и вперед к социалистическому будущему человечества. Дух Ленина веет над этими сухими колоннами цифр (Л. Троцкий, «К капитализму или к социализму?» стр. 23-24).

В 1925 г. Троцкий утверждает, что экономическое развитие в нашей стране складывается в пользу социализма, немного раньше этого, в 1924 г. он признает, что цели и задачи социалистического строительства целиком и полностью совпадают с задачами пролетариата. В 1927 г. он

сказывает то, что говорил в 1924 и то, что говорил в 1925 г. Неужели же в самом деле пролетариат, полностью и целиком заинтересованный в победе социалистического строительства, сейчас работает против своих интересов, против своих задач, на буржуазию, на «русский термидор»?

Всякий глубокий общественный поворот обязательно вызывает известную перегруппировку общественных классов. Одни из них отодвигаются на вторые и третьестепенные роли, теряют свое прежнее историческое превосходство, свое значение, другие становятся головой движения. Всех этих процессов перегруппировки не могут не замечать и не чувствовать на собственном опыте разные классы, разные социальные образования. И этот их собственный опыт поднимает общественные классы к определенному действию. Процессы социально-хозяйственного перерождения, как всякие другие процессы, изменяющие лицо общества, структуру его производственных связей и отношений, не проходят мимо классов.

Но именно потому, что наш рабочий класс и основной массив трудящегося крестьянства, через опыт собственной жизни, доходит до понимания преимуществ советских экономических порядков перед капитализмом, именно потому, что благодаря этим порядкам рабочий класс, опираясь на деревенскую бедноту, привлекая на свою сторону середняка, держит в своих руках государственную власть и управляет центрами

экономических нервов, он образует плотину против напора капиталистических тенденций, против возможного и до известной поры неизбежного рецидива этих тенденций, против всяческих сдвигов в сторону буржуазного перерождения.

Дело тут вовсе не в отвлеченной любви к социализму. Действиями масс руководит не абстрактная сознательность, опирающаяся на теоретическое предвидение, а отчетливое разумение уроков жизни, учет всего, что пережито и испытано, пережито. Дело тут в точном опытно-знании того простого факта, что развитие буржуазных отношений, перерождение и возврат капитализму быют по самым насущным, по самым жизненным, по самым основным и животрепещущим интересам массы.

Массы вообще учатся поведению не из книг и речей своих передовых представителей, а из опыта собственной практики. При всех поворотах и изгибах нашей исторической дороги постоянным критерием истины остается практика масс. Роль передовых представителей трудящейся массы, роль партии и вождей, как это блестяще выяснено Лениным, сводится к тому, чтобы, опираясь на здоровое чутье масс, преодолевая колебания и бесхарактерность, отсекая элементные панику и дезорганизующие движения, цементировать волю масс, организовать их действие, распределять их силы и правильно направлять их удары, чтобы лучше, серьезнее, с меньшей потерей и с меньшими издержками сил

средств решить задачи, выдвигаемые условиями времени. Между прочим, редкое в истории сочетание стихийного творческого порыва широких масс и планомерного, заранее рассчитанного, преднамеренного действия авангарда является отличительной особенностью нашей революции, обуславливающей высокую продуктивность ее работы.

КЛАССЫ ПРИ ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Одной из причин гибели якобинской диктатуры надо считать разрыв между ней и широкими массами мелкой буржуазии.

Мелкая буржуазия была, как известно, главной силой Великой французской революции. О волны массового мелкобуржуазного движения городского и деревенского населения разбилась власть Людовика XVI. Тщетно пытаюсь преодолеть эти волны, в них погибла французская жиронда. На гребне этих волн были вынесены к власти якобинцы. Однако, достигнув власти, якобинцы сами сделали немало для того, чтобы разрезать волны массового движения и утихомирить вышедшее из берегов море мелкобуржуазной стихии. Целым рядом мероприятий движение мелкой буржуазии было свернуто. Наступил отлив революции. Этот отлив был прологом к падению якобинской диктатуры. Якобинцы оказались на мели. Покинутые массами, они погибли под ударами реакции. То было частью в памятный день 9 термидора, частью после него.

Напомним, как совершался процесс отлива мелкой буржуазных масс от революции. Сначала элементы революции были вытолкнуты крайние элементы мелкой буржуазии с «бешеными» во главе. Не получив от революции удовлетворения своих интересов, разбитые тем самым правительством ради организации которого они боролись, доведенные до последней грани разорения, голода и нужды, они образовали пассив революции, в лучшем случае равнодушно, в худшем враждебно взиравший на якобинскую диктатуру. За ними были отсечены группировки мелкой буржуазии возглавляемые Гебером и Шометтом—группировки, самые многочисленные и самые революционные.

Удовлетворив свои первостепенные интересы получив землю, от революции ушла деревня. Не довольная государственным регулированием цен на хлеб, реквизициями и поборами со стороны города, она желала задержки революции и гибели якобинской диктатуры. Ушли и правые элементы мелкой буржуазии, руководимые Дантоном и Камиллом Демуленом,—частью они погибли на гильотине, частью переметнулись в антиякобинский лагерь.

Социальный фундамент якобинизма * растаял словно лед.

В буржуазной революции роль народных низов вообще кратковременна и преходяща. Чем ближе буржуазная революция подходит к решению своих исторических задач, тем меньше на поверхности

активной общественной жизни остаются подлинные представители подлинного народа, тем реже ощущается надобность в массах, тем чаще и тем решительнее эти массы, сначала по частям, а потом полностью отсекаются от революции.

Народ, боготворимый буржуазией до тех пор, пока революция выдирает корни феодализма и средневековья, по истечении известных сроков становится объектом травли и ненависти со стороны буржуазии, «предметом наглядного обучения»; на нем новый, только что сколоченный государственный аппарат буржуазии тренирует свои способности быть господином общества, проверяет роль насилия в руках буржуазии, роль бюрократии, армии, полиции и тюрем.

Такой характер отношений между общественными низами и буржуазией объясняется тем, что в буржуазной революции эти низы призваны делать лишь отрицательную работу. Они призваны разрушать старые экономические отношения, старые учреждения и старые организации. Положительную, творческую, созидательную работу, работу по установлению новых экономических и политических порядков ведет сама буржуазия. К этому она исторически призвана как наиболее передовой и прогрессивный класс своей эпохи. И как только буржуазия видит, что уже созданы необходимые условия для того, чтобы ей самой развернуть силу своих организационных способностей, она быстро освобождается от своих недавних союзников, обращая против них мате-

риально-вещественный и людской аппарат своего господства. Она отчетливо сознает, что господство буржуазных отношений останется непрочным, если административно-хозяйственный и государственный аппарат общества будет построен из того людского материала, который действовал в первой фазе революции, когда, по выражению Маркса, требовалось разбить в куски феодальную почву и скосить выросшие на этой почве феодальные головы.

Таким образом, с прогрессом буржуазной революции, когда все яснее и отчетливее вырисовывается факт несомненного и окончательного крушения феодализма, свертывается ее массовая основа. Ввиду того, что заканчивается разрушительная работа революции, отпадает необходимость в массовом действии, сокращается круг лиц, «делающих историю». Это не значит, конечно, что последующее развитие капитализма идет спокойно и гладко, без отсечения от общественных группировок, образующих голову исторического процесса, новых «масс». Явления такого рода бывают и после того, как установились нормальные для капитализма связи и отношения между людьми. Но эти вновь отсекаемые «массы» суть «массы» особого социального вида. При переходе от разрушительного этапа буржуазной революции к созидательному этапу, на котором протекает нормализация буржуазных отношений, при этом переходе с исторической авансцены выталкиваются действительные, многочисленные

и могущественные массы, действительные общественные «низы», социально чужие буржуазии. В последующие времена вне головной колонны исторического развития оказываются уже некоторые прослойки самой буржуазии. Это, разумеется, не случайное и до конца объяснимое явление. Оно естественным образом обусловливается динамикой капиталистического хозяйства. Концентрации капитала и его централизации в руках немногочисленных капиталистических групп сопутствует концентрация в руках этих групп государственной власти и всяких иных «сфер влияния». Следовательно, подобно тому как в области хозяйственной жизни стихийные силы экономического развития суживают круг лиц, непосредственно господствующих, командующих, руководящих, диктующих свою волю. За пределами политически господствующих группировок оказываются не только группы экономически разорившихся мелких производителей, но и средние буржуа, еще не разорившиеся, еще сохранившие признаки экономической самостоятельности. Процесс устранения от господства средней буржуазии характерен для империалистической эпохи. Этот процесс ведет к обострению фракционной борьбы внутри класса капиталистов и является одним из показателей глубочайшего кризиса буржуазной демократии, через посредство которой ныне не может господствовать даже буржуазная масса. Господином общества становится финансовая, империалистическая олигархия.

Выяснив роль широких масс, главным образом трудящейся мелкой буржуазии на различных ступенях буржуазной революции, обратимся к революции социалистической.

Опрокидывая прежнюю «социально-классовую пирамиду», социалистическая революция выдвигает на передовые и самые важные позиции общественной жизни как раз те классы, которые при капитализме стояли на нижних ступенях социальной лестницы, были «низами» общества. Роль этих «низов» в пролетарской революции не исчерпывается одной разрушительной работой. Завершив разрушительную работу, широкие массы трудящихся направляют все свои силы на решение положительных, строительных задач революции. Тот же самый класс—пролетариат, который был главным движущим фактором и вождем всех трудящихся, когда революция преимущественно разрушала, очищая историческую почву от обломков капитализма, этот класс остается главной, движущей, организующей силой, вождем всех трудящихся и тогда, когда революция должна созидать, когда нужно возводить и закреплять новый экономический и государственный порядок.

Для того чтобы подняться на организаторский этап революции, на этап широкой строительной работы, во Франции потребовалось заменить один политически господствующий класс другим. Крупная буржуазия в лице термидорианцев заменила там мелкую буржуазию в лице якобинцев, не сумевших дасть сколько-нибудь серьезную и про-

сильную программу творческой, созидательной работы и в области хозяйства и во всех других областях. В нашей революции пролетариат, класс, господствующий на протяжении разрушительного периода, не только сам оказывается способным подняться на очередной этап революции, на этап строительства новых экономических порядков. Он видит себя в качестве господствующего класса и ставит беспримерную программу общественного устройства—он, кроме того, поднимает за собой на этот этап большинство трудящихся и все эксплуатируемых масс, привлекая их к осуществлению своей пролетарски-социалистической программы. Переход революции в фазу своей созидательной, организационно-хозяйственной и политической работы у нас не требует замены одного политически господствующего класса другим, между тем как в истории Великой французской революции такая замена, имевшая место в термидоре, оказалась неизбежным звеном, без которого было невозможно упрочение капитализма.

Так, социалистическая революция стоит выше исторических буржуазных революций (в том числе Великой французской) уже по одному тому, что широкие массы призваны не только к отрицательной, но и к положительной работе. В социалистической революции нет разрыва между практикой масс в период разрушения старых и в период создания новых производственных отношений. И в том и в другом случае собственная практика масс на-

ходится в полном соответствии с их собственными интересами. И если в буржуазной революции процесс нормализации капитализма предполагал существование массового движения, то в социалистической революции развязывание творческих способностей широких масс, рост их участия в посредственной созидательной работе является первым и самым главным условием, обеспечивающим успех социалистического строительства. Социалистическая революция идет к окончательной победе через процесс разворачивания массовых действий. С развитием социалистической революции ширится ее массовая основа, ускоряется течение движения именно потому, что к активной общественной жизни поднимаются все новые и новые пласты общественных низов, именно потому, что эти многочисленные пласты сами непрерывно изо дня в день начинают творить историю. Охватывая самые разнообразные каналы и ручейки общественной жизни, переделывая весь строй общественных отношений, привычки, свою собственную природу, широкие массы трудящихся классов, образующие органический аппарат революции, направляют течение исторической реки в одно основное социалистическое русло.

Таково решающее, самое коренное, всемирно историческое отличие социалистической революции от буржуазной, если рассматривать ее по углов зрения того, какая роль выпадает на долю общественных «низов», на долю масс

Роль широких трудящихся и в первую очередь рабочих масс в нашей революции последовательно возрастает, начиная с момента завоевания политической власти пролетариатом в октябре 1917 г. Едва ли нужно доказывать, что мы никогда не победили бы в гражданской войне, если бы не сумели поднять на защиту революции не только рабочий класс, но и самые широкие массы крестьянства. Столь же очевидно, что мы не сумели бы развернуть до таких масштабов социалистическое строительство теперь, если бы мы не опирались на творческий почин и широкую творческую инициативу широчайших масс рабочего класса и крестьянства. Нас сейчас интересует этот мирно-организаторский этап революции. На нем поэтому мы и остановимся.

Когда мы переходили к новой экономической политике, перед господствующим рабочим классом нашей страны стояла одна «решающая, все себе остальное подчиняющая задача»: сомкнуться с крестьянской экономикой, «с рядовым трудовым крестьянством», с тем, чтобы впредь двигаться к социализму все более плотной, все более широкой многомиллионной массой, связанной узами тесного экономического сотрудничества. «Тогда и ускорение этого движения наступит такое,

о котором мы сейчас и мечтаем не можем» (Ленин). Об этой «все себе подчиняющей задаче» новой экономической политики Ленин особенно энергично напоминал на XI съезде партии, когда экономически мы только-только становились на

ноги Прошедшие семь лет нэпа с неопровержимостью доказали, что эту основную задачу организованного продвижения к социализму «всех масс» трудящихся мы разрешаем из года в год все более, основательнее, глубже.

Троцкий выдвинул положение о том, что у нас понижаются роль и значение пролетариата за счет усиления роли других классов, в том числе и буржуазии.

«Весь последний период,—говорит Троцкий—состоит в том, что пролетариат политически свертывается, а остальные классы развешиваются...

И это свертывание и развешивание имеет свое выражение всюду».

«Страна растет, богатеет, кулак растет, а вместе с тем,—вторит Троцкому Каменев,—отношение изменяется не в пользу рабочего и бедняка».

Еще красочнее о том же самом говорит группа «15» в своем заявлении-платформе.

«Мы упрекаем вас в том,—пишут они, обращаясь к сторонникам большинства,—что к процессам роста антипролетарских элементов в стране вы недостаточно приглядываетесь, недостаточно им сопротивляетесь и тем самым объективно ослабляете тот класс, на котором мы держимся,—пролетариат против давления враждебных, антисоциалистических, антипролетарских сил

Влияние мелкой буржуазии увеличилось, кулак получил политические права (доступ в совет

Теперь «бюрократические извращения» зашли так далеко, что в них уже явно ощущаются элементы мелкобуржуазного перерождения»

Мы менее всего намерены оспаривать точку зрения оппозиционных группировок на положение различных классов в нашей стране. Абсурдность этой точки зрения, кричащее противоречие ее с действительностью ясны и без дополнительных доказательств. Гораздо важнее воспроизвести картину настоящего положения разных классов и определить роль каждого из них на теперешнем этапе революции

Организующей и руководящей силой у нас по-прежнему остается пролетариат, активность которого растет много быстрее активности всех других классов. Этот рост активности пролетариата, вопреки обратным уверениям оппозиции, дает о себе знать и в сфере экономики и в сфере политики.

В течение последней перевыборной кампании активность пролетариата, активность рабочего класса возросла на 7%. Если в 1925/26 г. из всех рабочих избирателей, членов профсоюзов, участвовало в перевыборах 52%, то в 1927 г. число организованных рабочих, участвовавших в перевыборах, достигает 59%, причем по 633 городам это участие доходит до 72,4%, по Ленинграду—до 86,2% против 78,8% в 1925/26 г., и по Москве—до 86% против 61,6% в 1925/26 г. Но важнее этих цифр—другие, показывающие рост

рабочего ядра в руководящих органах советского государства. Мы добились того, что в составе городских советов—важнейших центров государственной власти, прямо соприкасающихся с властью, — процент рабочих повысился с 36,6 % в 1923 г. до 47 % в 1927 г. В Ленинграде и Москве процент рабочих в горсоветах достиг 61-62. И разве не показателен тот факт, что у нас профсоюзы имеют 1.400 тысяч низового рабочего актива?

Что касается городских советов, тот тут несомненно интересно сопоставить активность рабочих с активностью других социальных групп.

В 1926 г. у нас в городских советах служавшими было (по РСФСР, БССР, УзбССР) 38,4 % в 1927 г.—32,4 %, кустарей и ремесленников в 1926 г.—4,1 %, а в 1927 г.—3,2 %.

В деревне из всех с.-х. рабочих и батраков в перевыборной кампании участвуют 52,1 %. Активность этих слоев выше активности всех остальных слоев деревни, но эта активность не задерживает роста активности основной массы бедноты и середняков. Участие последних в первичных выборах повысилось с 37,2 % в 1923 г. и 41,1 % в 1924 г.—до 47,4 % в 1927 г.

В руководящих органах советской власти в деревне—в сельсоветах—у нас только 7,2 % платящих свыше десяти рублей налога, 16,1 % освобожденных от налога, 15,8 % платящих до рубля, 24,1 %—от рубля до двух, 25,1 %—от двух

до пяти рублей и 11,7 % — от пяти до десяти рублей.

В соотношении со всеми этими цифрами оппозиционные выкладки о свертывании пролетариата и бедноты выглядят наводнением, лишенным всякого смысла.

Это—«не словами, а делом доказанный» подъем трудящихся масс к активной общественной жизни. И от такого факта огромной важности нельзя отболтаться замысловатыми, но до неприличия пустыми ссылками на центробежные тенденции в пролетариате.

Укрепляется социальный грунт пролетарской диктатуры, расширяется количественно, повышается качественно массовая база социалистического строительства, вырастает, тренируется, охватывает все звенья экономической и культурно-политической работы новый людской аппарат. За счет его обновляются верхние этажи нашего здания—руководящий государственный и хозяйственный аппарат, так же как и отдельные единицы производства—фабрики и заводы и низовые ячейки советской власти. В городе пролетариат выдвигает из числа своих представителей не только кадры непосредственных руководителей органов государственной власти и первичных производственных единиц—директоров, управляющих, администраторов, хозяйственников, но и контрольно-вспомогательные кадры из числа активных, политически зрелых, производственно грамотных рабочих, вроде участников производ-

ственных совещаний ¹⁾ и работников аппарата ревизии и контроля. В деревне непосредственно руководящий слой работников окружен вспомогательными кадрами широкого крестьянского актива.

Параллельно с этим устраняются от участия в политической жизни социально чужие и политически враждебные нам группировки: процент лишенных избирательных прав с 5,9% в 1926 г. доведен до 11% в 1927 г.

Как указывалось выше, гибель якобинской диктатуры была в огромной степени предрешена разрывом между правящим авангардом мелкой буржуазии и классом в целом, т.-е. широкими мелкобуржуазными массами. Что этот разрыв, как и вся совокупность событий, предшествовавших перевороту 9 термидора и последовавших за ним, имеет свои первые причины в глубине экономики,—об этом было говорено. Сейчас нам важно напомнить о том, в какое соотношение между собой были поставлены ходом экономического развития господствующая группа якобинцев и породивший ее класс мелкой буржуазии.

К весне 1794 г. свертывается массовое мелкобуржуазное движение. Среди мелкой буржуазии вырастает глухое недовольство диктатурой якобинцев. Само общественное развитие натравливало класс на партию, мелкобуржуазную массу

¹⁾ Для характеристики роли этих совещаний достаточно указать хотя бы на то, что указания производственных совещаний принимаются к исполнению на 50—60%.

господствующую прослойку якобинцев—тоже мелких буржуа, правда, не выразивших интереса к власти в целом.

Пользуясь разрывом между господствующей группировкой якобинцев и массами, прямые и скрытые термидорианцы расшатали устойчивость якобинской диктатуры и окончательно повалили ее термидора. Надо сказать, что термидорианцам не удалось поднять массы к открытому действию против господства якобинцев. Но им и не требовалось действие масс. Им достаточно было того, чтобы массы отвернулись от якобинцев, не поддерживали и даже ненавидели их. Сеть заговора, вскрывшегося 9 термидора, делалась на базе упадка и пассивности масс.

В прямую противоположность эпохе термидора текущий исторический период нашей революции характеризуется расширенным воспроизводством живых связей между государством пролетарской диктатуры и широкими трудящимися массами.

Мы должны прежде всего отметить, что у нас правит не только передовой отряд пролетариата—наша партия. Партия держит в своих руках плечи управления, определяет содержание практической линии государства, намечает пути и средства правильного осуществления этой линии. Партия—организующее начало пролетарской диктатуры. Вместе с партией, под ее руководством, нас правит класс, во всяком случае в его наиболее зрелой, наиболее опытной, в наименее сырой части. Диктатура пролетариата вообще отли-

чается от диктатуры других классов тем, что она означает не просто диктатуру в интересах большинства, но и участие в осуществлении этой диктатуры — непосредственно, реально, ощутимо,—вслед за передовым пролетариатом, широких рабочих масс, сначала понемногу, но чем дальше, тем энергичнее поднимавшегося к управлению государством. И сила исторического значения пролетарской диктатуры, как особого типа государства, раскрывается тем значительнее, чем больше пролетарские массы, руководимые коммунистическим авангардом, поднимаются к действительному повседневному участию в управлении страной. С неповторимой убедительностью эту мысль не раз раз'яснял Ленин.

Некогда К. Каутский в брошюре «Диктатура пролетариата» писал, что «класс... может господствовать, но не управлять. Управляют же «организации» или партии».

«Совершенно неверно..., что не может управлять класс, — отвечал тогда Ленин Каутскому,—такой вздор мог сказать только «парламентский кретин», ничего не видящий, кроме буржуазного парламента, ничего не замечающий, кроме «правлящих партий» (Ленин, т. XV, стр. 456).

Развертывая и укрепляя себя в качестве правящего класса, пролетариат Советского Союза привлекает к участию в управлении также и рядовые трудящиеся массы деревни.

У нас нет разрыва между авангардом рабочего класса—коммунистической партией—и самим ра-

бочим классом. У нас класс не отрезан от управления страной. Жизненными соками его активности питается партия. В системе отношений между авангардом и классом нет условий для того, чтобы «натравить класс на партию», как это предполагали сделать меньшевики-гроцкисты. Режим рабочей диктатуры и голова этого режима—наша партия—покоятся не на узком фундаменте, подобном тому, на котором покоилась яacobинская диктатура накануне 9 термидора, а на прочной основе пролетарской активности и активности крестьянских масс, действующих в рамках пролетарской демократии. Развязывание творческих потенций господствующего рабочего класса в городе ведет к выталкиванию за борт государственной машины и всевозможных экономических организаций пролетарской диктатуры подлинно термидорианских элементов, остатков прежних социальных образований, тех элементов, через которые может просачиваться в наш аппарат буржуазное влияние. В деревне развязывание творческих потенций бедняцко-средняцких элементов сопровождается выталкиванием за борт нашей советской политической и экономической системы носителей кулацкого влияния.

Если даже признать, что мы не всегда и не везде умеем правильно использовать силы поднимающихся «народных низов», то и тогда остается несомненным одно: проблема пополнения и обновления передовых позиций социалистического строительства новыми людьми, проблема продви-

жения к социализму всей массой пролетариата бедноты, середняка,—эта проблема понята схвачена нами во всем своем значении. Мы стали на путь ее практического разрешения.

Расставить правильно сотни тысяч людей только что поднявшихся на первые исторические роли—немаловажная и нелегкая задача. Решить ее без ошибок, без последующих поправок, изменений, перестановок невозможно. Однако, это особый вопрос. Тут речь идет о порядке использования уже сросшихся с костяком рабочего государства, уже пришедших к нему людей, а не о том, чтобы приступать к борьбе за массы. Борьба за массы решилась в нашу пользу массы на нашей стороне. Нужно сохранить их, поднять их культурно-политически, обучить управлению и правильно использовать их. В этом гвоздь задачи.

В 1924 г. Троцкий доходил до понимания того, что цели и задачи пролетариата совпадают с задачами социалистического строительства. Но с задачами социалистического строительства совпадают также и задачи подавляющей массы крестьянства.

«Разрозненное, забитое, придавленное, осужденное во всех, даже наиболее передовых странах на полуварварские условия жизни сельское население... будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма... сможет решительно поддержать революционный пролетариат» (Ленин). Из этого со-

падения задач пролетариата и подавляющей массы крестьянства с задачами социалистического строительства, из их заинтересованности в успехах нашего подъема вытекает единство между коммунистическим авангардом, господствующим рабочим классом и основным массивом трудящихся крестьян. Один факт такого единства ставит нашу страну в положение, в самой основе своей отличное от того, в каком находилась Франция накануне термидора.

Для того чтобы перейти к буржуазному порядку отношений у нас, недостаточно преодолеть социалистическую политику одного коммунистического авангарда, возглавляющего государство. Преодолеть авангард, смять социалистический характер его политики нельзя, не подминая рабочего класса, не преодолевая его сопротивления, не устраняя союзников пролетарской диктатуры — крестьян бедняков и середняков. Ибо способность авангарда к сопротивлению зависит не только от силы его внутренней организованности, но и от объема и качества его связей со своим собственным классом и далее со всей трудящейся массой. Против тенденции буржуазного перерождения, если эти тенденции могут определиться на отдельных участках пролетарской диктатуры, стоит вместе с партией рабочий класс, вместе с ним стоит, правда, менее крепкая, легче поддающаяся колебаниям, крестьянская масса. При правильном руководстве и правильных

отношениях с этой массой и она способна решительно поддержать пролетариат. Сегодня ее задачи, как и задачи пролетариата, едины, тождественны, нераздельны с задачами социалистического строительства, не в «абстракте», не отвлеченно, а практически, реально. Если раньше мы должны были говорить о единстве и нераздельности, о совпадении этих задач в «широкой исторической перспективе», то теперь мы достигли такого этапа, такого уровня, на котором указанное совпадение не является делом одной далекой перспективы,—оно есть факт конкретной «живой жизни». Мы нашли «самый верный способ выйти из нужды, нищеты, голода, разорения» на широкую дорогу материально-технического и культурного подъема всей страны и вместе с тем на широкую дорогу подъема жизненного уровня масс. В этом дано совпадение задач социалистического строительства с задачами трудящихся классов. Входящая в практику нашего строительства, расширяясь по всему советскому организму, оплодотворяя наш рост пролетариат и за ним все, что есть здорового, энергичного, связанного с нами среди бедноты и среднего крестьянства вместе с партией делают для предупреждения малейших опасностей буржуазного перерождения в миллионы раз больше, чем все вместе взятые презренные и бесхарактерные болтуны о «русском термидоре», «самовлюбленные нарциссы и гамлетики».

Так обстоит дело с классами на текущем этапе революции. В их положении, в самой расстановке классов, в их отношении к положительной работе революции, в системе взаимоотношений между коммунистическим авангардом—пролетариатом и трудящейся массой нет ничего, что хотя бы в самой отдаленной степени напоминало термидорианскую главу Великой французской революции.

ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ „ТЕРМИДОР“, ПАРТИЯ И ВОЖДИ

Едва ли не самым важным показателем того, что наша революция переживает поворот в сторону термидора, меньшевики-троцкисты считают: «все возрастающий нажим» на «левые элементы» партии и рабочего класса. В истории Великой французской революции, — напоминают они, — точно таким же образом подготовлялся переворот 9 термидора. Благодаря тому, что группа якобинского центра, руководимая Робеспьером, Кутоном, Сен-Жюстом, обезглавила революцию, устранив с ее авансцены «бешеных» геберистов и шометтистов, эта группа сама погибла, будучи не в состоянии одна устоять перед напором реакции.

«Один исторический пример, — говорил Залуцкий более двух лет тому назад, — должен быть у нас сейчас в центре внимания: это термидорианский путь развития Великой французской революции.

Не надо забывать, что «устранение» гебертистов было началом пути к термидору. Три социальные силы занимаются сейчас изучением этого периода: сменовеховская и милюковская буржуазия, эсеры и меньшевики и пролетариат.

Первые две силы исходят из того, что русская революция уже вступила на этот путь развития, и, конечно, всячески этому содействуют.

Пролетариат в целом еще не видит этой опасности, хотя она очень реальна.

На XVI Московской партийной конференции Каменев заявил, что путь расправы с «левыми элементами» есть путь «подлинной катастрофы» партии и революции. Группа Сапронова—Смирнова в своем заявлении к октябрьскому пленуму ЦК и ЦКК идет дальше Каменева и называет расправу с «левыми элементами» началом государственного переворота в пользу контр-революции. Эта расправа, — говорят сапроновцы, — «как нельзя лучше показывает, что путь государственного переворота, на который вступил ЦК, есть вместе с тем и путь ликвидации партии». «Пусть он (имеется в виду пленум ЦК и ЦКК) отдаст себе полный отчет в том, что начавшийся государственный переворот есть путь к контр-революции».

Еще раньше заявления группы Сапронова—Смирнова о «расправе с левыми» говорил Троцкий:

«В Великой французской революции, — говорил он, — было две больших главы: одна шла так (показывает вверх), а другая шла этак (вниз). Вот это надо понять. Когда глава шла так — вверх, —

французские якобинцы, тогдашние большевики, ликвидировали белогвардейцев и жирондистов. У нас такая большая глава была, когда и мы, оппозиционеры, были расстрельщиками, — это когда расстреливали белогвардейцев, жирондистов, мы были с вами расстрельщиками. А потом началась во Франции другая глава, когда французские стреловцы и полустреловцы, термидорианцы из правых якобинцев стали расстреливать левых якобинцев, тогдашних большевиков.

...Надо знать, кого и когда, т.-е. по какой главе» расстреливать. Когда мы расстреливали, то твердо знали, по какой главе, а вот сейчас, ясно ли вы ¹⁾ понимаете, по какой главе собираетесь расстреливать, пока что в порядке оргвыводов? Я опасюсь, что вы... собираетесь расстреливать по полуустраюловской, т.-е. термидорианской главе.

Запах второй главы есть полуустраюловщина... которая разоружает революционный авангард пролетариата».

Итак, основной вывод: у нас запах полуустраюловщины, запах термидорианской главы. Она уже наступила. Уже разоружается авангард пролетариата — партия.

Надо сказать, что, несмотря на «солидную стилизованность» параллели, проводимой Троцким, несмотря на то, что она старательно обрамлена погремушками крепких слов и героических восклицаний, по своему существу эта па-

¹⁾ Здесь Троцкий обращается к одному из сторонников большинства.

раллель выглядит весьма убого. Она показывает прежде всего крайне небогатый уровень исторических познаний Троцкого. В течение двадцати с лишним лет политической деятельности он не удосужился изучить более или менее приличную историю Великой французской революции, в частности эпоху термидора.

Что и как было в действительной истории термидора?

В «действительной истории» якобинскую диктатуру повалили «левые якобинцы», среди них Колло д'Эрбуа, Амар, Вуллан, Билло-Варен, в союзе с реакцией, с деятелями конвентского болота с остатками жиронды, с прямыми сторонниками крупной буржуазии. Этих «левых» надо отличать от подлинных левых, от группы Гебера и Шометта «Левые», о которых мы говорим, были левыми лишь по субъективным желаниям, а не по своим действиям. Свергнутых якобинцев отправляли на эшафот по термидорианской главе не правые якобинцы, как совершенно неверно утверждает Троцкий, а и самые «левые». В их руках формально оказалась власть после 9 термидора. По крайней мере эти «левые» якобинцы были своим именем связаны со всеми основными документами, изданными Конвентом после свержения Робеспьера.

Выступая против режима якобинской диктатуры, «левые» якобинцы руководствовались желанием углубить революцию, повести ее дальше. В их выступлениях, уже после 9 термидора, чув-

ствовался этот курс на расширение и углубление революции, курс борьбы с «подлой умеренностью». Однако, они просчитались. Чтобы углубить революцию, нужна была широкая поддержка масс, а этой поддержки «левые» не имели. На первых порах реакционеры делали вид, что они не имеют никаких возражений против разворачивания революции и суровых мер против ее врагов. К числу этих врагов относились в первую очередь свергнутые якобинцы. И реакционеры, союзники «левых», были заинтересованы в том, чтобы усилить террор, чтобы добить сторонников свергнутой якобинской диктатуры.

Повторяем, тут они поддерживали «левых». Откровенным реакционерам не было выгоды разворачивать сразу и полностью знамя реакции. Они могли этим отпугнуть от себя «левых», когда еще не покончено с остатками якобинцев, господствовавших вчера. Покончив с ними, реакция взялась за самих «левых», мечтавших «углубить» революцию». И использованные реакционной буржуазией в деле уничтожения революционных порядков «левые», как выжатый лимон, были выброшены вон. Часть их погибла на гильотине, часть была сослана на каторгу.

Троцкому, если он горит желанием расписывать все по главам Великой французской революции, следовало бы помнить, что вместе со своими друзьями, бывшими якобинцами пролетарской революции—большевиками, он, старый представитель меньшевистской жиронды, собирается

играть роль французских «левых» в первом акте термидорианской драмы. Ему следовало бы помнить, что его руками и руками его друзей нынешняя реакция желала бы повалить—увы, не Гибера и не Робеспьера, а—диктатуру пролетариата и открыть занавес для повторения на всемирно-исторической сцене событий 9 термидора.

Реакция, следующая после великой революции, по необходимости должна бить в литавры левых обещаний и демагогических посулов, доколе еще остыла еще почва для взрыва массового анти-реакционного движения, доколе сама реакция не выросла в силу, способную это движение раздвинуть. Так было во всех классических революциях.

Во всех этих революциях реакция «поддерживала наиболее близкие к крайней революционной партии мелкобуржуазные группировки, чтобы поколебать и свергнуть революционную диктатуру, открывая тем дорогу для дальнейшей полной победы контр-революции...» (Ленин). Такая тактика предписывается реакции и всей совокупностью нынешних условий.

Поддержать «левые» элементы, так или иначе близкие к господствующей революционной партии пролетариата, потому именно, что эти элементы открыто борются против господствующей партии, осуждают и дискредитируют ее политику, дезорганизуют ее практику, доходят до отрицания ее программных положений, стать даже «левее» всех «левых», лишь бы снискать себе популярность в массах, ослабить и свергнуть режим

пролетарской диктатуры—вот стратегическая линия современной буржуазно-помещичьей контр-революции.

Правые по образу мысли—по своей программе, по своим политическим традициям и по своей объективной роли, левые по обещаниям теперешние меньшевики-троцкисты, несомненно, повторили бы игру «левых» эпохи термидора, если бы победоносный ход развития нашей революции, включающий повторение самой термидорианской эпохи. В этом победоносном ходе революции, а не в личных желаниях и намерениях Троцкого и его политических друзей, лежит их единственное, но зато прочное избавление от роли настоящих, стопроцентных, неподдельных термидорианцев, бескорыстных трубадуров побеждающей реакции. Не победят меньшевики-троцкисты, не победит и реакция.

Мы вынуждены были остановиться на характеристике поведения «левых» якобинцев и правых термидорианцев сразу после переворота 9 термидора не потому, что считаем этот период богатым собственными историческими уроками. Наоборот, по сравнению, скажем, с периодом, непосредственно предшествующим перевороту 9 термидора, события, следовавшие за ним, не отличались ни богатством содержания, ни сложностью своей структуры. Замедлился темп общественной жизни, улеглась острая и широкая борьба классов, уступив место сваре между некогда большими, но теперь выродившимися мелкими политиче-

скими группировками. Люди интриги, зашатавшиеся и откровенные политические негодяи, для которых нет никаких священных идей, которые готовы все продать, все уступить, всему измещиться, лишь бы перестать быть пешкой, лишь бы почувствовать себя на исторической доске весомой и импозантной фигурой,—эти люди стали героями дня. Культ беззаветной преданности революционному делу сменился культом личного удовольствия и чревоугодия, пошлости и своекорыстия.

Едва ли кто-нибудь станет отрицать, что с точки зрения учета больших исторических уроков, такая полоса не представляет особенного интереса. Остановливаясь на некоторых деталях политической борьбы в течение этой полосы, мы имели в виду показать, до какой степени действительная история этой борьбы, в частности действительная история поведения якобинцев, считавших себя левыми, отличается от «истории» в троцкистском изложении. Отметив это, обратимся к характеристике фракционной борьбы накануне 9 термидора.

Несмотря на то, что меньшевики-троцкисты уподобляют текущий этап нашей революции кануну 9 термидора более чем два года, они до сих пор не могут сколько-нибудь вразумительно обосновать закономерность такого уподобления. Все их обоснование исчерпывается повторением одного и того же напоминания: накануне 9 термидора правые якобинцы гильотинировали «левых» союзников Гебера и Шометта; у нас сейчас

расправляются с «левым сектором» рабочего движения, со сторонниками Троцкого и Зиновьева,—положение, следовательно, аналогичное кануну 9 термидора. Поспешно утешая себя родством с героическими представителями парижской бедноты, с Гебером и Шометтом, меньшевики-троцкисты отказываются от всяких дальнейших попыток осмыслить суть своей аналогии. Они вслух начинают грезить историей, предвкушая мысль о том, с каким несказанным почетом, подобно деятелям Великой французской революции, их встретят в веках грядущие поколения. Однако от этого бреда историческим бессмертием аналогия с кануном термидора не становится убедительной и закономерной. Значимость ее не повышается, не исчезают и ее пороки.

Самый главный порок троцкистской аналогии с кануном термидора состоит в том, что она построена на непонимании природы фракционной борьбы внутри якобинцев, на непонимании того, что выражала собою эта борьба.

Методологически и исторически было бы совершенно ошибочно рассматривать весь процесс борьбы между различными группами якобинцев вне связи с движением, вне связи с жизнью и борьбой, с запросами и действием тех социальных групп, давление которых испытывали на себе якобинцы и интересы которых они худо или хорошо выражали.

В марте 1794 г. борьба между левыми якобинцами во главе с Гебером и Шометтом, с одной

стороны, центром и правыми во главе с Робеспьером и Дантоном—с другой, достигла апогея. Наступали левые. В их требованиях были формулированы нужды обнищавшей мелкой буржуазии, парижской бедноты, желавшей получить от революции не только «право жаловаться на свою нищету», но и возможность получить кое-какое удовлетворение за счет богатых. Попытка добиться этого удовлетворения через восстание кончилась неудачей. Правые и центр якобинцев, при нескрываемом сочувствии и поддержке совершенно контр-революционных элементов, разгромили восстание левых. За этим последовал уход от революции огромных мелкобуржуазных слоев. Ранее мы уже отмечали, что это была наиболее решительная и наиболее революционная часть мелкой буржуазии, игравшая первые роли на всех предшествующих этапах революции. Встает вопрос: какими организационными и политическими последствиями сопровождался уход этих масс от революции, или, говоря конкретно, как отразился он на состоянии основной революционной партии того времени на состоянии якобинской организации?

Нам кажется, что на этот вопрос может быть дан только один ответ: уход от революции широких мелкобуржуазных масс, пытавшихся в марте совершить переворот в пользу преимущественно городской бедноты, сопровождался уменьшением и ослаблением авангарда революции—якобинцев. Тут вскрылся процесс двойного рода: был закрыт доступ в якобинскую

организацию крайним революционным элементам, действительно преданным революции, политически узкоризненным, решительным, энергичным, и одновременно все такие элементы были выброшены из якобинских организаций. Подавив и отстранив с передовых позиций революции мелкую буржуазию, поддерживающую группы Гебера и Лометта, центр якобинцев и правые перерезали основные артерии, по которым свежая и здоровая кровь прилиwała к мозговым центрам революции. Но от революции, вслед за массами, так сказать, беспартийной мелкой буржуазии, ушли не только рядовые якобинцы и якобинцы-средняки,—этим дело не ограничилось. Уменьшение и ослабление массовых якобинских организаций нашли свое отражение и наверху—среди руководящих кадров якобинизма.

Вследствие участвовавших отколов и расколов быстро начала таять прослойка старых руководителей революции. Таким образом, кризис массового движения обуславливая кризис политического авангарда мелкой буржуазии якобинской организации. Этим последним в свою очередь обуславливался кризис руководящей якобинской верхушки. Раскалывалось и свертывалось массовое мелкобуржуазное движение, понижалось количество, неуклонно ухудшалось качество организации якобинцев, распадались кадры старых руководителей: в кровавой политической междоусобице они систематически истребляли друг друга. Самое характерное во всем этом процессе поли-

тической деградации якобинизма это то, что остановились рост и выдвижение новых общественно-политических кадров, новых руководителей якобинского движения. Внутри якобинских организаций не оказывалось подходящего для такого материала, из которого могли бы сложиться серьезные и по-серьезному революционные вожди. Это и понятно, если принять во внимание, что с момента разгрома левых живых и творческих сил мелкой буржуазии якобинская диктатура стала опираться на консервативные, полные предрассудков, неподвижные слои мелких буржуа, не способных оплодотворить историческое развитие сколько-нибудь значительными идеями и сколько-нибудь значительными, крепкими, разумными, решительными людьми.

В последующие времена с каждым новым отливом мелкобуржуазных слоев от революции совершался новый раскол якобинизма, новый распад руководящей верхушки. Так было тогда, когда после расправы с левыми были изгнаны и уничтожены правые во главе с Дантоном. Так получилось и тогда, когда перед самым переворотом 9 термидора из среды якобинцев выделился новый левый сектор, ставший потом левым сектором термидорианцев.

Незадолго до 9 термидора господствующая партия якобинцев ходом фракционной борьбы была поставлена в такое положение, что оказалась не в состоянии осуществлять свое влияние на основные звенья государственной и всей вообще общес-

твенной системы. Она оказалась не в состоянии подчинить себе все эти звенья, руководить и твердо управлять ими. Нехватало людей, спаянных единством воззрений, единством воли, единством действия. Важнейшие каналы государственной и общественно-политической жизни стали мало-по-малу забиваться гнилым человеческим материалом, сохранявшим на первых порах вид покорных слуг революции, но с течением времени потерявших даже видимость преданности и покорности правящей группе якобинцев. Этот гнилой человеческий материал подготавливал гибель якобинской диктатуры, намечая для революции новые маршруты. Какие выводы следуют из сказанного?

Выводов тут три:

Первый общий вывод состоит в признании того, что раскол якобинизма не являлся самодовлеющим фактом, а выражал собою раскол мелкой буржуазии, как класса, до весны 1794 г. действовавшего единой, сплошной массой. Отливу масс от революции, дроблению массового движения соответствовал отлив самых различных элементов от якобинских организаций, дробление их на фракции.

Второй общий вывод состоит в признании того, что ожесточенная фракционная борьба внутри якобинских организаций, сопровождавшаяся отколами от них тех или иных частей, обуславливала собой также и распад руководящих кадров. Застопоривался рост этих кадров, уменьша-

лась численность, падала авторитетность, уменьшалось влияние, понижалась эффективность работы. И чем меньше становились руководящие кадры якобинской диктатуры, тем дальше они отходили от масс, образуя своеобразную касту группку замкнутых, самолюбивых, раздражительных и тупеющих политиков. Они уже не представляли масс и не ощущали на себе их живое, творящее дыхание. Они теперь стояли над массами, презрительно отмахиваясь от насущных требований этих масс, удивляясь их грубости, непосредственности и «порочности».

Третий вывод специального порядка. Он касается ухода левых. Этот вывод состоит в признании того, что устранение левых с исторической авансцены потому и имело непоправимо губительное значение для судеб якобинской диктатуры, что оно знаменовало уход от революции не просто политиков-одиночек Гебера и Шометта, а еще раньше их—«бешеных»: Жака Ру, Варлэ и Леклерка, а уход тех многочисленных слоев мелкой буржуазии, которые решительнее всех боролись против контр-революции и которые выдвинули из своей среды лучших революционеров того времени, до Марата включительно. Не левые якобинцы увели массы от революции, а, наоборот, массы увели от революции левых якобинцев.

Памятуя об этих выводах, сделаем ряд сопоставлений между положением внутри якобинской организации накануне 9 термидора и положением

внутри нашей партии в текущий исторический период.

Мы пережили целых четыре года внутрипартийной борьбы, особенно обострившейся в течение последних двух лет, с тех пор как против партии замкнутым фронтом действовал блок всевозможных оппозиционных течений.

В чем заключалась особенность этой борьбы? Борьба внутри якобинизма началась, как известно, в такой момент, когда остановился бег революции. Своей особенной остроты тогдашняя фракционная борьба достигла в момент, когда революция вошла в полосу упадка. Нынешняя внутрипартийная борьба развернулась на подъеме революции. И если фракционная борьба среди якобинцев выражала собой муки упадка революции, то внутрипартийная борьба на текущем этапе нашей революции выражала трудности нашего роста, нашего движения вперед.

В этом первая особенность внутрипартийной борьбы в ВКП (б).

Ее вторая особенность заключается в том, что она выражала собой борьбу не только партии, но и основных сил нашего класса, пролетариата, против предательства и измены одиночек, шедших до того вместе с революцией.

Если бы наша внутрипартийная борьба выражала собой столкновение и конфликт между различными слоями основной ведущей социальной силы нашей революции—пролетариата, и подобно

тому, как борьба внутри якобинской организации выражала борьбу различных групп мелкой буржуазии, тогда бы и процесс отсечения от господствующей партии пролетариата оппозиционных группировок был сопряжен с оттеснением той или иной части пролетариата с передовых позиций революции. Такое оттеснение стояло бы в прямом противоречии с потребностями объективного развития революции и означало бы болезненное сокращение ее руководящих сил. Суть дела заключается, однако, в том, что наша внутрипартийная борьба, в отличие от борьбы среди якобинцев накануне 9 термидора, и не выражала и не обуславливала раскола ведущей социальной силы революции.

Уже сам по себе подъем революции на мирно-организаторский этап, увеличивая численный состав пролетариата, повышая его жизненный уровень, его культурность, сознательность, активность, повышает и его организованность вокруг партии, возглавляющей победоносное продвижение революции вперед. Осуждение оппозицией политики партии было осуждением практики рабочего класса, ибо у него не никакой другой практики, кроме той, содержание которой определено политикой партии. Это резко отрицательное отношение оппозиции к политике партии и практике широких масс пролетариата толкало последний к самопроверке, а вслед за этим—к защите дела собственных рук, к действенной поддержке собственного авангарда. Процесс оттеснения оппозиционных групп с передо-

вых позиций революции шел параллельно с процессом выдвижения на эти позиции широких масс рабочего класса. И прежде всего этот процесс затрагивал, конечно, область внутрипартийной жизни. Мы помним, что уход из якобинских организаций передовых представителей мелкобуржуазной массы составлял характерную черту пре-термидорианского этапа Великой Французской революции. В противоположность этому этапу, нынешняя внутрипартийная борьба разворачивается в обстановке прилива в нашу партию передовых представителей рабочего класса, ведущей силы революции. В этом состоит третья особенность нынешней внутрипартийной борьбы. Выталкивая из своих рядов оппортунистические разложившиеся элементы, партия замещает их новыми кадрами рабочих-большевиков, повышая роль и значение этих кадров внутри партийных организаций. В общей массе членов партии рабочее ядро составляло нас к началу 1927 г. 64%. Этот процент повышается к концу года благодаря новому массовому притоку в партию рабочих.

Но задача сохранения единства и большевистской выдержанности авангарда революции, вообще говоря, не решается тем только, что внутри этого авангарда обеспечивается чисто количественное преобладание пролетарских элементов. Нужно было поднять их к активной партийной жизни—то, во-первых, нужно было прочно и решительно

обеспечить за пролетарским ядром партии руководящую роль в партийном аппарате—это, во-вторых. Без такого руководящего значения пролетарского ядра на первостепенных форпостах партии, без усиления его влияния на содержание политической и организационной линии партии была немыслима успешная борьба против неустойчивых и колеблющихся элементов, так же как и против открытых противников большевизма, обнаруживших себя внутри самой партии пролетариата. Именно интересы этой борьбы заострили вопрос о необходимости такой перегруппировки руководящих кадров партии, в результате которой усилилась ведущая роль рабочих.

Этот вопрос в основном был решен в ходе внутрипартийной борьбы последних лет.

Перегруппировка руководящих кадров партии в сторону усиления в них роли рабочих-большевиков, устранение из состава этих кадров группировок и лиц, обнаруживших податливость к оппортунистическим уклонам от большевизма (тех, для кого партия является инструментом пролетариата лишь до тех пор, пока она признает их правоту, а с тех пор, как она перестает делать это, становится объектом разнузданной и похабной клеветы), составляют четвертую особенность нынешней внутрипартийной борьбы.

Предпосылки для такой перегруппировки множились с каждым новым массовым притоком в партию передовых пролетариев, проникнутых

осмысленной нетерпимостью по отношению ко всем и всяческим проявлениям ренегатства, «не взирая на лица».

Возрастал пролетарский сектор партии, повышалась его зрелость, увеличивались неудачи оппозиционных течений, кадры старых большевиков, возглавляющие партию, пополнялись новыми людьми, лучшими из большевиков-рабочих, сумевшими научиться и до революции и во время ее, вытеснялись со всех ступеней партийной лестницы элементы, податливые к социал-демократизму, подозрительные «родственники» героических представителей Великой французской революции, левых якобинцев, Гебера и Шометта. Сложились и прочно вошли в активную партийную жизнь кадры рабочих-пропагандистов, организаторов, агитаторов (их к настоящему времени сто тысяч человек)—людской аппарат партии, снискавшей почетную ненависть меньшевиков-троцкистов. Решающий и окончательный перевес в жизни партии сверху донизу получили пролетарские элементы, понизилось значение выходцев из непролетарской среды. Благодаря всему этому возросла сопротивляемость партийного организма всем враждебным большевизму, идейно-логическим и безыдейно-авантюристским течениям.

Таким образом, если борьба внутри якобинизма, на пороге термидорианской реакции, приводила к сокращению руководящего состава революции, к тому, что непрерывно уменьшающаяся прослойка вождей якобинской диктатуры отрывалась

от мелкобуржуазных масс и от своих организаций, вырождаясь в касту одиноких вождей, то нынешняя внутрипартийная борьба сопровождалась иными результатами. Она ускорила подъем к активной руководящей работе партии новых групп рабочих-большевиков, расширила руководящие партийные кадры связи и усилила их связь с партийной массой. В этом пятая особенность нашей внутрипартийной борьбы. Партия сумела обеспечить замещение экс-вождей новыми элементами. Она не выпустила из своих рук ни одного звена государственной и общественной системы. Она ничего не отдала на идейное и организационное растление гнилым социально либо идейно чужим над группировкам.

Подытоживая сказанное, мы должны признать, что наша внутрипартийная борьба по самому своему существу была в корне отлична от фракционной борьбы среди якобинцев.

Не выражая разрыва между авангардом революции и ее основной социально-классовой пружиной—пролетариатом, борьба течений внутри нашей партии и поражение оппозиции не смогли и обусловить такого разрыва.

Не выражая раскола внутри рабочего класса, эта борьба, как поражение оппозиции, точно так же и не обусловила этого раскола. Уходящие от нас политические группировки не увели от революции никаких прослоек пролетариата.

III. ИСТОРИЧЕСКИЕ И КЛАССОВЫЕ КОРНИ ТЕОРИИ „РУССКОГО ТЕРМИДОРА“

Ранее было отмечено, что теория «русского термидора» наиболее полно была разработана профессором Устряловым. Мы должны сейчас остановиться на характеристике конкретных исторических условий, в которых возникла эта теория, и на выяснении того, чаяния какого класса она отражала.

Устрялов никогда не признавал нашу революцию социалистической. Он считал и продолжает считать, что эта революция исторически призвана решить лишь буржуазно-демократические задачи. Устрялов согласен признать, что партия большевиков, возглавляющая революцию, не хочет ограничивать эту последнюю решением только буржуазно-демократических задач, она навязывает революции также и социалистические задачи. Но,—полагает он,—одно дело то, что навязывает партия революции, другое дело то, что делает сама революция, на решение каких задач направляет она свою творческую силу.

«Пусть основным субъективно-классовым фактором нашей революции, — пишет Устрялов, —

явился рабочий класс (хотя исторически и это достаточно спорно), «но откуда следует», что и объективное ее содержание—пролетарская диктатура и социализм? Тут налицо характерное *petitio principii* ¹⁾, а между тем в этом-то и ядро вопроса.

...Объективно-историческим смыслом Великой французской революции была победа третьего сословия ²⁾ и демократического государства. Но этот ее «смысл», окрасивший собой целое столетие европейской жизни, не спас же революционную Францию от термидора. Социализм по Марксу и Ленину — «запрос» большевистской революции у истории подобно тому, как демократия марки Руссо была аналогичным запросом революции якобинской» (Н. Устрялов. «Под знаком революции». Изд. II, стр. 45).

Из этого положения господина Устрялова можно и должно сделать один вывод: мелкобуржуазные революционеры-якобинцы, «запрашивая» у истории осуществление демократии «марки Руссо», стало быть, демократии мелких собственников, лавочников, крестьян, ремесленников, потерпели крах и не могли миновать термидора потому, что Великая французская революция была призвана расчистить почву для развития к р у п

1) Вывод, построенный на основе положения, правильность которого не доказана, следовательно, ложный вывод.

2) Третье сословие в точном смысле значит буржуазия.

ной капиталистической собственности и закрепить за этой крупной собственностью государственную власть. Пролетарские революционеры-большевики, сторонники Маркса и Ленина, запрашивая у истории осуществление социализма, точно так же кончат крахом. Им не миновать термидора по тем же самым причинам, по каким не миновали его якобинцы, т.е. потому, что большевистская революция есть революция буржуазная, призванная очистить общественную жизнь от остатков феодально-крепостнических отношений, создать условия для свободного, неограниченного, просторного под'ема капитализма и подготовить переход к такому государственному порядку, который более всего отвечает интересам капиталистического развития. Этот переход, по мнению Устрялова, может быть совершен у нас мирным путем. Тут Устрялов не доводит до конца своей аналогии с французским термидором. Там, во Франции, якобинцы были свергнуты насильственно, хотя этому свержению предшествовало перерождение некоторых элементов правящей якобинской верхушки. У нас дело может пойти иными путями. Устрялов полагает,—во всяком случае, он склоняется более всего к такому именно предположению,—что у нас не потребуется насильственного низвержения советского режима. Советский режим должен переродиться. Он должен пренебречь социалистическими химерами и приспособиться к условиям буржуазного развития. «Путь термидора—в пере-

рождении тканей революции, в преображении душ и сердец ее агентов» (Устрялов. «Под знаком революции». Изд. I, стр. 23-24).

Началом этого перерождения, началом «русского термидора» Устрялов считает переход к нэпу.

Еще 6 апреля 1921 г., получив, по собственному признанию, первые вести о новой экономической политике, Устрялов писал: «Ленин возглавляет ныне другую линию большевистской мысли, линию умеренную и компромиссную. Проявлением этой тактики был Брест-Литовск. Через три года она вновь воздвигается в перл создания. «Мир с мировой буржуазией», «концессии—иностранным капиталистам», отказ от позиции немедленного коммунизма внутри страны—вот нынешние лозунги Ленина...

Невольно напрашивается лапидарное обозначение этих лозунгов: мы имеем в них экономический Брест большевизма.

Ленин, конечно, остается самим собой, идя на все эти уступки. Но, оставаясь самим собой, он вместе с тем, несомненно, эволюционирует, т.е. по тактическим соображениям совершает шаги, которые неизбежно совершала бы власть, чуждая большевизму.

Чтобы спасти советы, Москва жертвует коммунизмом. Жертвует со своей точки зрения лишь на время, лишь «тактически», но факт остается фактом» (там же, стр. 8-9).

Таким образом, исходным пунктом устряловской теории термидора является признание того, что новая экономическая политика не является тактикой, направленной на спасение, на закрепление и развитие социалистических отношений; нет, это эволюция в сторону капитализма. Убедившись в невозможности насильственным образом навязать буржуазной революции решение социалистических задач, большевики сделали попытку навязать ей эти задачи мирными, ненасильственными методами, допуская при этом известный возврат к капитализму. Однако, этот их маневр, помимо и против желания большевиков, так сказать, объективно открывает простор росту капиталистических отношений.

«...Пролетарская власть, сознав, наконец, бессилие насильственного коммунизма, идет на уступки, вступает в компромисс с жизнью. Сохраняя старые цели, внешне не отступаясь от «лозунгов социалистической революции», твердо удерживая за собой политическую диктатуру, она начинает принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры буржуазной природы. Вот что такое перерождение большевизма» (там же, стр. 53).

«После Кронштадта революция фатально идет на убыль, и вопрос тут вовсе не в искусстве или, наоборот, в промахах господствующей партии, а в непреложном социологическом факте, его же не преиждешь» (там же, стр. 83).

Этот «социологический факт» заключается по Устрялову в том, что «революционная Россия превращается по своему социальному существу в буржуазную, собственническую страну» (там же, стр. 96). Советская власть «из власти рабочей» превращается в государство «по существу своему крестьянское».

«Революция эволюционизирует». Тело страны, израненное последствиями войны империалистической и войны гражданской, усыпанное язвами эпидемий, голода и холода, исцеляется. Мало-помалу оно очищается от «коммунистической скверны», затекает кулацким жиром, короче: наливается «жизненными соками» капитализма. Такова сценка сущности нэпа, даваемая господином Устряловым, начиная с апреля 1921 г.

Путь капиталистического развития России Устрялов считает наиболее здоровым и плодотворным путем. «Начинается,—говорит он в статье от июня 1921 г.,—спуск на тормозах от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности и служению ей». «Есть признаки кризиса революционной истории» (там же, стр. 24).

«Этот кризис, — пророчествует Устрялов, — приведет к окончательной и всецелой национализации революции, т.е. опять-таки неизбежному возвращению погорянной России» (там же, стр. 92). И Устрялов подытоживает указанием на то, что нынешняя Россия «объективно являет-

ся наименее социалистическим государством в современной буржуазной Европе» там же, стр. 151).

«Наступают сумерки революции» (там же, стр. 44).

В этих сумерках революции будет перевариваться большевистская революция, будут вводиться в берега все силы, поднятые ею, отсекаются все отрицательное и вредное, все с точки зрения буржуазии ненормальное, все социалистическое. Для такого переваривания революции, для округления буржуазно-демократических завоеваний революции, для успокоения и обмана масс нужна будет сильная власть, гибкая и вместе с тем упругая, крепкая и умная. Опираясь на опыт Великой французской революции, Устрялов приходит к выводу, что для завершения революционной истории, для решения задач, связанных с закреплением буржуазного порядка, может быть, нужна будет власть, подобная власти Наполеона. Нужен будет Бонапарт, нужна будет бонапартистская система. Так «теория русского термидора» завершается теорией русского бонапартизма».

Для людей, хоть сколько-нибудь знакомых с историей нашего внутрипартийного развития за последние два года, ясно, что устряловская «теория термидора» как нельзя более похожа на те «конструкции мысли», которыми оппозиция «обогащает» партийное сознание.

Оппозиция ничего не прибавила к устряловской «философии эпохи», как, впрочем, и ничего не убавила от нее. Недаром же во втором издании

своей книги, вышедшей уже в 1927 г., Устрялов откровенно признает, что основные мотивы его книги совпадают с основными мотивами оппозиционных воззрений. «...В общей оценке текущей эпохи,—пишет он,—в сомнениях, в анализе современного исторического периода оппозиционные маловеры кое в чем странным образом являются нашими попутчиками» (стр. 231).

В чем же «странным образом» сходятся оппозиционные маловеры с господином Устряловым?

Они сходятся с ним в том, что так же, как и Устрялов, считают, что теперешняя эпоха есть эпоха термидора, эпоха перерождения большевизма на базе «преимущественного роста» капитализма, а не эпоха победоносного социалистического строительства и укрепления пролетарской диктатуры. Они сходятся с ним в том, что как же как Устрялов, отрицают возможность внекапиталистической эволюции деревни. Мелкое производство у нас порождает капитализм и, по их мнению, только его. Они сходятся с ним на признании того, что у нас нет пролетарской диктатуры, а есть мужицкое, полукулацкое государство, подготовляющее переход к сытой «вполне буржуазной» России. Они сходятся с ним далее в том, что, так же, как Устрялов, «жуют до иступления» ту мысль, что туманной музыкой нашего будущего, филиалом большевистской революции является бонапартизм.

Знаменательно, что во втором издании своей книги господин Устрялов, полемизируя с тов. Бу

хариным, освобождает себя от обязанности полемизировать с Зиновьевым. Этому последнему «надо ли доказывать»,—ехидно замечает Устрялов,—что у нас из рук вон плохо обстоит дело с ростом социалистических элементов хозяйства? Зиновьеву, мол, это ясно и без моих доказательств. И господин Устрялов глубоко прав, ибо Зиновьев на ряду с другими вождями оппозиции действительно много поработал над доказательством того, что у нас заперты на ключ возможности победоносного социалистического строительства, и что уделом нашей страны является термидорианская безысходность, крах, вырождение.

Не менее разительное сходство обнаруживается при сравнении платформы группы «15» и программных произведений Устрялова. В то время как Устрялов видит конечную цель нашей внешней политики в стремлении воссоздать великодержавную Россию, «первую нацию земли», в это самое время корпорация «15» в своей платформе выдвигает тезис о том, что мы поставили на службу нашим узко-национальным интересам, интересам страны, не только советский аппарат, но и мировое рабочее движение, отодвинув в безбрежную даль интересы международной рабочей революции. «Коминтерн заменяется Наркоминделом»,—возглашает Устрялов;—«международный пролетариат эксплуатируется национально-реформистской ограниченностью советского государства»,—пишут, говорят, пропагандируют сто-

ронники группы «15», а за ними сторонники всех остальных оппозиционных групп. Вся разница между ними и Устряловым заключается только в том, что Устрялов открыто говорит о национализации революции, о ее специфически русских национальных задачах, между тем как различные течения и оттенки оппозиционной мысли свои аляповатые «тезисы» окаймляют пенью революционного пустословия.

Устрялов—идеолог новой городской и сельскохозяйственной буржуазии. Он—идеолог кулака, нэпмана и спеца, самодовольно хихикающего над якобы «фантастическими» планами социалистического переустройства нашей страны, спеца, озабоченного желанием реставрировать «обыкновенное буржуазное болото».

Как особая, более или менее оформившаяся разновидность буржуазной идеологии устряловщина появилась, как мы видели, в самом начале нэпа. Тогда сложилась и устряловская теория «русского термидора». То обстоятельство, что именно новая буржуазия являлась глашатаем термидора, что именно ее представители яснее, откровеннее, увереннее других пророчили перерождение большевизма, вполне объясняется условиями зарождения этой буржуазии, условиями ее вызревания, ее существования и ее первоначального развития. Первый период нэпа, сопряженный с известным экономическим отступлением пролетарской диктатуры, с известным возвратом к капитализму неизбежно воспитывал среди нара-

стающей буржуазии иллюзии термидора, иллюзии перерождения и мирного изживания большевизма. Не усвоив этого простого и очевидного факта, нельзя понять ни характера взаимоотношений между классами в первые годы нэпа, ни исторических корней термидорианских вождений, упований, надежд.

Наша борьба против новой буржуазии знает два этапа, коренным образом различных между собой.

Первый этап открывается переходом к нэпу и в своих наиболее существенных чертах завершается к концу 1925 г. В течение первых трех лет нэпа городской буржуазии и в особенности буржуазным верхам деревни удалось завоевать целый ряд позиций в сфере товарооборота и тем обеспечить за собой в этой сфере огромный удельный вес. Чтобы понять правильность нашего утверждения, достаточно вспомнить числовые показатели того времени. К моменту XIII съезда партии (май 1924 г.) были представлены статистические материалы, в общем и целом правильно оценивающие роль буржуазии в области торговли. В 1922/23 г. буржуазия сосредоточила в своих руках 64 % оптово-розничной торговли, на долю же государства и кооперации приходилось всего 36 %. Частный капитал охватил при этом, главным образом, деревенскую периферию, достигнув по розничной торговле 83,4 %.

Рост удельного веса новой буржуазии в области товарооборота находил свое отражение во

взаимоотношениях между классами. Захватив свои руки значительную часть торговой сети, будучи и в области производства сельскохозяйственных продуктов, правда, неизмеримо менее значительной, чем в области торговли, но тем не менее заметной силой, буржуазная, кулацкая верхушка деревни сумела подчинить своему влиянию часть среднего крестьянства. Новая буржуазия города так или иначе смыкалась с мелким производителем, с ремесленником и кустарем.

Едва ли кто-нибудь станет отрицать, что в этих условиях единственной сколько-нибудь разумной тактикой новой буржуазии могла быть только устряловская тактика: тактика сближения со всеми звеньями советской—экономической и государственной—системы, тактика обволакивания этой системы, тактика завоевания на свою сторону средних слоев крестьянства и мелкой буржуазии на основе наглядной, подтверждаемой своим собственным опытом, торговой и вообще хозяйственной практики.

Единственно разумной тактикой новой буржуазии могла быть только тактика, исходящая из общей оценки текущей эпохи, как эпохи термидора, эпохи упадка и сумерек революции. Эта тактика была продиктована новой буржуазии полной уверенностью в том, что в великом споре между капитализмом и социализмом история уже сделала свой выбор. Она предпочла капитализм социализму. Этой тактики как в области экономики, так и в области политики долгое время и

придерживалась новая буржуазия. Она отлично понимала возможную эфемерность, непродолжительность своих успехов в том случае, если ей не удастся прочно и глубоко войти не только в область торговли, но и во всю хозяйственную жизнь страны.

История сохранила нам ряд программных документов тогдашних идеологов новой буржуазии, не раз выдвигавших планы рационального и всестороннего использования частного капитала в хозяйстве Советского Союза, в частности в промышленности. Само это использование экономисты новой буржуазии представляли себе достаточно определенно и достаточно конкретно. Они никогда не думали использовать частный капитал в качестве силы, подчиненной социалистическим элементам экономики на манер того, как используются нами частные мелкие сбережения; такое использование начисто отрицалось ими. Частный капитал мог бы, по их мнению, быть используемым не иначе как в качестве силы, ведущей и направляющей хозяйственную жизнь страны.

Эти необуржуазные экономисты и политики были единодушны в том, что государственно-кооперативная промышленность и торговля неспособны обеспечить стране быстрый темп экономического и культурно-технического развития. Более того, они считали, что государственно-кооперативная промышленность и торговля, вся система и методы нашего хозяйствования только

застопоривают здоровый и плодотворный хозяйственный рост.

Сменовеховец Лежнев в свое время заявлял с бесподобной откровенностью, что он никогда не поверит, будто наша система госпромышленности соответствует потребностям хозяйственного развития. Тот факт,—говорил Лежнев,—что советская власть насильственным образом сосредоточила в своих руках «основные капиталы» страны, ровно ничего не определяет. «Этот факт в ряде фактов,—продолжает он,—нуждается еще в экономической санкции: требуется еще доказать, что такая система—система государственной социалистической промышленности, а попросту говоря, государственная собственность на основные средства производства, фабрики, заводы, шахты, рудники, железные дороги и землю—соответствует объективной необходимости, что она хозяйственно прогрессивна, что при наименьшей затрате средств и сил она дает наибольший возможный экономический эффект». Надо еще «доказать, что система госпромышленности для нашего хозяйства действительно органична». Не находя этих доказательств прогрессивности и органичности нашей государственной системы хозяйствования, Лежнев выдвигал план слияния государственной промышленности с частным капиталом. Только прилив частного капитала в государственное хозяйство может оплодотворить это хозяйство и развязать возможности его развития при непременно разделе с частным капи-

галом доходов социалистического сектора хозяйства, при благодетельном руководстве этого частного капитала.

Классовый смысл предложений Лежнева ясен. Поставить социалистический сектор хозяйства на путь капиталистического перерождения—вот смысл этих предложений. В них отражается стремление частного капитала втискаться во всю хозяйственную жизнь, захватить нити руководства и управления этой жизнью, ввести ее в русло капиталистического развития.

Если мы теперь обратимся к анализу политической тактики новой буржуазии, то и тут мы обнаружим ту же линию поведения, что и в области экономики. Тут также на первый план выдвигалась тактика типично устряловского пошиба—тактика постепенного вползания в аппарат советского государства, тактика мирного захвата этого аппарата. В этом смысле показательна практика наших перевыборных кампаний в советы.

Обратимся к деревне, тем более, что именно здесь отчетливо и наиболее полно вскрылась тактическая линия новой буржуазии, линия кулачества, между тем как городская часть новой буржуазии была от начала до конца лишена возможности развернуть свою политическую линию. Чем была характерна кампания перевыборов в совет в 1924/25 г. и раньше?

В этих кампаниях кулачество пыталось захватить непосредственно или через своих ставленни-

ков—в данном случае это не так важно—низовые звенья советского аппарата, чтобы, опираясь на эти звенья, вести борьбу против социалистических мероприятий партии и рабочего государства. Кое-где кулакам удавалось добиться своих целей и подчинить себе советский аппарат. Но кулак подчинял себе по большей части одиночек, разложившихся пройдох, преступников и растратчиков—словом, гнилой, бросовый материал. Мы имели ряд судебных процессов, сопровождавшихся очищением советского аппарата от ставленников кулачества. Мы можем указать сейчас хотя бы на судебные процессы в связи с преследованием селькоров, процессы, на которых нередко в качестве обвиняемых фигурировали руководители советского аппарата деревни. В основном, однако, попытка кулачества захватить деревенский аппарат советской власти потерпела безусловный крах. Кстати, мы расходились и расходимся с оппозицией не в том, что она говорит о напоре враждебных сил на советский аппарат в деревне, а мы будто бы отрицаем наличие такого напора. Суть наших разногласий с оппозицией по вопросу о кулаке сводится к тому, что оппозиция доходит до признания так называемого затопления нижних этажей советской власти кулаками и ставленниками кулаков. Мы же считаем, что советский аппарат деревни остается аппаратом пролетарской диктатуры. Низовые звенья советской власти ока-

зались до того связанными со всеми остальными звеньями советской системы и до такой степени подчинены регулирующему воздействию партии, что использовать их для борьбы против пролетарски-социалистического существа нашей политики не удалось. С одной стороны, эти низовые звенья были подчинены руководству советского волостного, уездного и губернского аппарата, обнаружившего высокие идейно-политические качества, с другой—на низовые звенья советской власти оказывали непосредственное влияние, а в иных случаях прямое давление партийные организации деревни. Помимо этого, на низовые звенья советской системы так или иначе воздействовали те организации, которые существуют вокруг сельсоветов и волисполкомов, тот людской состав, который образует деревенский беспартийный актив. Сюда относятся делегатки, комсомольцы, селькоры, беспартийные крестьяне, работающие в различных комиссиях при сельсоветах и волисполкомах. Вся эта масса, окружая советский аппарат в деревне, оберегала его от покушений кулачества, не давала ни кулакам, ни их ставленникам возможности использовать советский аппарат для борьбы против партии и пролетарской диктатуры.

Но если устряловская тактика обволакивания низовых звеньев советского государственного аппарата потерпела явную неудачу, то и тактика обволакивания экономических организаций го-

сударства не принесла никаких утешительных результатов.

Первая полоса борьбы между новой буржуазией и рабочим классом, организованным в государстве, завершается ослаблением капиталистических элементов страны.

В течение этой первой полосы борьбы новая буржуазия не только не завоевала никаких позиций в государственно-кооперативном секторе хозяйства в области политики, но и потеряла большую часть своих позиций в области торговли.

Последние два года были годами изменения тактической линии новой буржуазии. Борьба между ней и рабочим классом поднялась на второй этап. Первым, самым главным отличительным признаком этого второго этапа является совершенно определившееся превосходство сил рабочего класса и деревенской бедноты во всех решительно областях. Ходом первого пятилетия нэпа вопрос о том, «кто кого», был решен в пользу социализма. Теперь задача состоит уже не в том, как начать побеждать, а в том, как завершить победу. Уже XIV съезд партии констатировал наличие экономического наступления пролетарской диктатуры на базе новой экономической политики. Дальнейшее развитие только усилило этот процесс. Резко повысив свой удельный вес в течение 1924/25 г., социалистический сектор создал условия для дальнейшего развертывания и углубления политики эконо-

мического и затем политического наступления на новую буржуазию.

Какова же должна быть линия поведения новой буржуазии в условиях, когда она представляет собой силу во много раз меньшую, чем сила рабочего класса?

Совершенно ясно, что форсирование наступления на частника и кулака усиливает сопротивление этих групп мероприятиям партии и соввласти. В области экономики мы стоим перед перспективой обострения борьбы между капиталистическими и социалистическими элементами. Эта борьба, обнаружившая уже в течение последних двух-трех лет тенденции к обострению, характеризуется тем, что тактика Устрялова заменена тактикой активных контратак на пролетарскую диктатуру.

Так обстоит дело и в области экономики и в области политики.

Кампания перевыборов в советы 1926/27 г. показала, что от попыток захвата советского аппарата кулачество переходит к попыткам организационно-политического обособления. Эти попытки выражаются то в противопоставлении советскому аппарату кооперативных организаций производственно-сбытового и потребительского характера там, где это выгодно кулаку, то в попытках кулака опереться на земельные общества и поставить их против советов, то в попытках требовать создания специальных «кресгьянских» организаций, объединений и союзов. Нынешняя

политика кулачества рассчитана на то, чтобы организовать свой политический центр и из этого центра вести борьбу против партии, против рабочего класса, против органов советского государства. Эту тенденцию надо особо подчеркнуть, и на анализе этой тенденции развития тактической линии кулачества нужно сосредоточить свое внимание. Иначе мы не поймем тех изменений, тех действительных сдвигов, которые происходят в психологии, политике и тактической линии кулачества. Это, конечно, не означает, что кулак навсегда отказывается от попыток захватить низовые звенья советской власти. И не это мы имеем в виду сейчас подчеркнуть. В данном случае мы указываем не на то, что кулак начисто отбрасывает старые методы политической борьбы против нас, а на то, что в тактической линии кулачества ярко определились тенденции к организационно-политическому обособлению. Вполне вероятно, что впредь кулак будет действовать комбинированными методами, пытаясь там, где он видит хотя бы минимум перспектив, захватить советы, там же, где до очевидности ясна невозможность этого, он попытается обособиться в отдельных центрах. Однако, поскольку наша политика будет непрерывно бить по всем попыткам кулачества осесть самому или в лице подкулачников в советском аппарате деревни, дело пойдет к усилению попыток организационно-политического обособления. Эти тенденции, уже к настоящему моменту определившиеся достаточно широко, будут быстро уси-

ливаться. Политически изолированный кулак и не может действовать иначе. Под влиянием обострения международного положения Советского Союза вся новая буржуазия и в частности кулак будет активизироваться, будет все более открыто противопоставлять себя аппарату пролетарской диктатуры и активно бороться с ним.

В этот этап мы вступили, но мы еще не достигли его зенита.

На этом этапе гибнут устряловские иллюзии термидора, тает вера в перерождение большевизма.

Теория термидора есть теория новой буржуазии того периода, когда имеют место рост и относительное, хотя и кратковременное, ее укрепление. Эта теория могла возникнуть именно тогда, когда нэп являлся отступлением, когда только ставился вопрос о том, «кто кого», и когда первая полоса борьбы за решение этого вопроса принесла хотя бы в одной области экономики— в области торговли—временный успех буржуазии, оказавшейся более изворотливой, подвижной, пронырливой, хитрой, более гибкой, чем государственный и кооперативный аппарат торговли, сумевшей быстрее, чем мы, приспособиться к условиям рынка. Окрыленная первыми успехами, новая буржуазия пыталась захватить экономические и политические организации рабочего государства и поставить их на службу своим интересам. Но крушение этих попыток было вместе с тем крушением теории «русского термидора».

Эта теория теряет всякую почву на нынешнем этапе, когда отчетливо определилась победа социализма. Тот факт, что эту теорию принимают сейчас и пропагандируют «маргариновые большевики» из числа сторонников оппозиции, вовсе не доказывает ее правильности. Этот факт доказывает только близорукость оппозиционных элементов, плетущихся в хвосте господина Устрялова.

Впрочем, может быть, уподобляя нынешний период нашей революции эпохе термидора, оппозиция порекомендует нам воспроизвести тот образ действия, которым утешали себя якобинцы накануне своего исторического падения? Или, может быть, нам порекомендуют судорожную политику самоубийства, политику борьбы против несуществующих сумерек революции, политику паникеров и революционных пустолаек?

Может быть, этого домогаются от нас наши новые враги, меньшевики-гроцкисты?